История
Общество
Политика

2025

№2(34)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(34)
2025

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2025. №2 (34)

Сетевое научное периодическое издание.
Точка доступа: http://www.clio-brgu.ru. Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2025

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: С.В. Артамошин - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: А.В. Федин – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,2025
© Коллектив авторов, 2025

HISTORY SOCIETY POLICY

N 2 (34)
2025

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2025. №2 (34)

Network scientific periodical.
AP: http://www.clio-brgu.ru. Placed on the official website of the journal: 30/06/2025

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

***Chairman of the Editorial Board**:* doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

***Editor in Chief:* S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

***Deputy Editor:* A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2025
© Authors, 2025

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Синяков А. В. Баланс сил XVIII века: дипломатические манёвры Людовика XV на восточном фронте ***6***

Иванчей С. А. Реконструкция Юга США (1865-1877) в дискурсе прессы Российской империи ***12***

Порунов А. Е. Протесты в тюрьме Мэйз 1980 года, как фактор давления на правительство Великобритании ***17***

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Клименок Д. В. Конфуцианское законодательство в имперском Китае ***24***

Домахина Ю. А. Проблемы колониального наследия Японской империи на Корейском полуострове (1910-1945): влияние на современные японо-южнокорейские отношения ***38***

Егорова В. П. Китайская модель гуманитарного сотрудничества в регионе Индийского океана ***46***

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Наумцева А. Д. Система функционирования детских домов, программы патроната и опеки в СССР в начале 1920-х гг. ***51***

Киселев И. В. Международное сотрудничество в сфере образования Советской России в контексте реализации прав обучающихся в период 1925-1936 гг. ***58***

ИСТОРИОГРАФИЯ

Артамошин С. В. Ирландское национальное движение и Великобритания (Размышления над книгой: Шишкина И.Б. Ирландская революция. 1916-1923) ***62***

О сетевом издании «История. Общество. Политика» ***66***

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 93

А. В. Синяков

Баланс сил XVIII века: дипломатические манёвры Людовика XV на восточном фронте

Аннотация: *В этой статье рассматривается сложная сеть дипломатических отношений, которые Франция Людовика XV поддерживала с двумя ключевыми восточными державами — Российской империей и Речью Посполитой — в середине XVIII века. В начале статьи прослеживаются первые шаги Парижа по установлению отношений с Санкт-Петербургским двором, подчеркивая стратегический интерес Франции в противовесе влиянию Габсбургов через союз с императрицей Анной и ее преемниками. Затем обсуждение переходит к выборной монархии Польши, где Версаль стремился повлиять на преемственность саксонской династии Веттинов и предотвратить вторжение Габсбургов, поддержав кандидатуру Августа III в 1733 году.*

На основе подробного анализа депеш послов, переговоров по заключению договоров и придворных интриг в статье раскрывается, как французские дипломаты маневрировали между меняющимися лояльностями в Варшаве, используя финансовые субсидии, династические браки и религиозные уступки для обеспечения согласия Польши. Одновременно Париж развивал связи с последовательными российскими правителями, используя общие интересы в разделении власти Габсбургов для координации военной и финансовой помощи во время войны за австрийское наследство (1740–1748).

Сравнивая подходы Франции в Петербурге и Варшаве, статья демонстрирует, как министры Людовика XV уравновешивали прагматизм и принципы, чтобы сохранить хрупкое равновесие на восточной границе Европы. В заключение в статье утверждается, что эти франко-российско-польские отношения заложили важную основу для более широких перегруппировок, кульминацией которых стало разделение Польши в конце века, и подчеркнули эволюцию концепции Версаля о дипломатии «баланса сил».

Ключевые слова: *Людовик XV, Франция, Российская империя, Речь Посполитая, Дипломатические отношения, Баланс сил, Соперничество Габсбургов, Императрица Анна, Август III, Избирательная монархия, Война за австрийское наследство, Переговоры о заключении договора, Депеши послов, Дворцовые интриги, Династические браки, Финансовые субсидии, Религиозные уступки, Раздел Польши, Восточная граница, Версальская дипломатия*

Sinyakov A. V. The balance of power in the 18th century: Louis XV's diplomatic moves on the eastern front

Abstract: *This article examines the complex web of diplomatic engagement pursued by Louis XV's France with two pivotal Eastern powers—Imperial Russia and the Polish–Lithuanian Commonwealth—during the mid-eighteenth century. It opens by tracing Paris's initial overtures to the St. Petersburg court, highlighting France's strategic interest in counterbalancing Habsburg influence through an alliance with Empress Anna and her successors. The discussion then turns to the elective monarchy of Poland, where Versailles sought to shape the succession of the Saxon Wettin dynasty and prevent Habsburg encroachment by supporting Augustus III's candidacy in 1733.*

Through detailed analysis of envoy dispatches, treaty negotiations, and court intrigues, the paper reveals how French diplomats navigated shifting loyalties in Warsaw—leveraging financial subsidies, dynastic marriages, and religious concessions to secure Polish acquiescence. Concurrently, Paris cultivated ties with successive Russian rulers, using shared interests in partitioning Habsburg power to coordinate military and financial assistance during the War of the Austrian Succession (1740–1748).

By juxtaposing French approaches in Petersburg and Warsaw, the article demonstrates how Louis XV's ministers balanced pragmatism and principle to maintain a fragile equilibrium on Europe's eastern frontier. In conclusion, it argues that these Franco-Russian-Polish relationships laid essential groundwork for the broader realignments culminating in the partitions of Poland later in the century—and underscored Versailles's evolving conception of "balance of power" diplomacy.

Keywords: *Louis XV, France, Imperial Russia, Polish–Lithuanian Commonwealth, Diplomatic relations, Balance of power, Habsburg rivalry, Empress Anna, Augustus III, Elective monarchy, War of the Austrian Succession, Treaty negotiations, Envoy dispatches, Court intrigues, Dynastic marriages, financial subsidies, religious concessions, Partition of Poland, Eastern frontier, Versailles diplomacy*

Герцог Ангиенский, преемник Шуазеля на посту министра иностранных дел в 1771-1774 годах, в первую очередь интересовался не колониальным миром, а изменениями внутри Европы. Это было продолжением политики Шуазеля после его возвращения в министерство иностранных дел в 1766 году и развитием более ранних идей “Секрета Короля”. Эта тайная дипломатия Людовика XV началась в середине 1740-х годов с поддержки плана, согласно которому его кузен, принц Конти - внук Конти, избранного королем Польши в 1697 году, - должен был стать следующим королем Польши. В 1745 году в Париже к Конти обратился эмиссар, посланный несколькими ведущими поляками, которые не хотели, чтобы саксонское присутствие в Польше сохранилось после следующих королевских выборов. Людовик XV принял просьбу Конти о финансовой и политической поддержке, но при этом держал министра иностранных дел и Совет в неведении. Хотя это было связано с требованием поляков соблюдать секретность, это также отражало некоторые скрытные черты характера Людовика.

Конти узнал от французского посланника в Петербурге, что русские не поддержат французского кандидата, и тем самым помог придать антироссийский характер французской внешней политике. Схема Конти расширилась до желания воссоздать мощный союз Польши, Швеции и Турции, который мог бы служить французским интересам против Австрии и особенно России, которую во Франции рассматривали как разрушительную чужеродную силу в Европе. Пруссия рассматривалась как важное дополнение к альянсу. В центре внимания Конти была Польша, и он ожидал, что именно она станет целью французской политики в Центральной и Восточной Европе, но при этом возникло внутреннее столкновение с другими, более широкими взглядами на интересы Франции [1].

Действие “Секрета Короля” пришлось приостановить во время Семилетней войны, когда сторонники Франции в Польше были разочарованы ее готовностью принять русские притязания в этой стране [2], а французские дипломаты, которые были членами организации, были возмущены союзом с Россией в 1757 году. Однако после войны Секрет должен был возродиться.

“Секрет Короля” взаимодействовал с более общей озабоченностью международными событиями в Европе, которая, в частности, была направлена на Россию. Источники этого беспокойства были различными и иногда плохо сформулированными, но включали в себя чувство конкретной озабоченности по поводу союзников Франции, особенно Польши, и более общее нежелание принимать перемены, поскольку они, как казалось, вели к более разрушительному и враждебному окружению. Тревога по поводу России была также одним из аспектов восприятия Восточной Европы как примитивной, что было характерно для западной мысли. Русские представлялись как последняя волна варварских захватчиков.

Даже во время Семилетней войны французы стремились защитить своих союзников от чрезмерного давления России. Так, в 1756 году Руйе призвал Россию не вмешиваться во внутренние дела Швеции [3] и подчеркнул, что Франция продолжает заботиться о Польше [3, p. 76-78]. Императрица Елизавета умерла в январе 1762 года, и её преемник, пропрусски настроенный Петр III, разорвал связи с Францией. В июле 1762 года Петра сменила Екатерина II - Великая, но

Людовик XV не стремился возобновить конфиденциальную переписку, которую он вел с Елизаветой.

Политика в отношении России отражала общее направление французской дипломатии. Она была сосредоточена не на создании альянсов, которые можно было бы использовать против держав, с которыми она находилась – или могла бы находиться – в состоянии войны, а, скорее, на создании системы альянсов, которая принесла бы стабильность на Континент и, в частности, противостояла бы мощи России. Таким образом, вместо того чтобы искать поддержки в Восточной Европе против Габсбургов, как она делала до 1756 года, французская дипломатия была направлена на поддержание статичной территориальной системы в Восточной Европе, которая дополняла бы статус-кво, который принесли ее союзы с Австрией и Испанией в Нидерланды, Рейнскую область и Италию. Оборонительный и реактивный характер французской политики стал более заметным после 1763 года, хотя это было очевидно с 1748 года, а уже в 1756 году, после вступления Франции в Семилетнюю войну в Европе было ответом на акт агрессии.

Однако финансовые проблемы очень сильно затронули французское правительство. Семилетняя война была оплачена за счет займов, в результате чего правительство получило значительный долг и ежегодный дефицит. Финансовое положение одновременно препятствовало попыткам Шуазеля создать военно-морской флот и побудило Террея, генерального контролера с декабря 1769 года, выступить за примирение в споре о Фолклендах [4].

У Франции не нашлось эффективного ответа на Первый раздел Польши в 1772 году. Он стал серьезным ударом для французских предположений в Восточной Европе, поскольку французы стремились иметь сильную Польшу и сильную Турцию в качестве барьера для российской экспансии. В 1762 году Людовик XV отметил, что Польша является главным объектом “Секрета Короля” [5]. В следующем году Шатле, посланник в Вене, выразил беспокойство по поводу деспотических, по его мнению, намерений России в Польше. Франция и Австрия обсуждали совместные действия, чтобы помешать России выбрать уступчивого преемника Августа III и вместо этого поддержать принца Ксаверия Саксонского. Однако в 1763-1764 годах они оказались менее решительными, чем Россия и Пруссия, и разошлись во мнениях относительно своей политики в Польше [6]. Французам не удалось вызвать турецкую оппозицию, а самой французской политике вредила нерешительность Людовика XV и разногласия по поводу того, какого кандидата следует поддерживать. Тайные агенты критиковали осторожность Праслена, но он ясно дал понять, что Франция не может действовать в одиночку и что державы, расположенные ближе к Польше, должны играть ведущую роль в противостоянии России. Британское правительство дало понять, что не будет помогать [7].

Союзница Фредерика, Екатерина II смогла навязать Станислава Понятовского в качестве нового короля Польши в 1764 году выборы произошли 7 сентября. Его тайная дипломатия потерпела крах, и Людовик был вынужден ограничиться лишь отказом признать его до декабря 1765 года и отклонить его просьбу о руке принцессы Орлеанской [8], несмотря на совет французского посланника Брольи, что это поможет развитию французского влияния в Польше [9]. Панин, ведущий советник Екатерины по вопросам внешней политики, в 1747-1760 годах, будучи посланником сначала в Дании, а затем в Швеции, выступал против Франции [10].

В конце десятилетия французы стали более активными. С апреля 1766 года, когда он во второй раз стал министром иностранных дел, Шуазель проводил явно антироссийскую политику. Ему помогло разочарование турок в Фридрихе после заключения русско-прусского договора. В апреле 1768 года Шуазель отозвал Верженна, которого он считал недостаточно воинственным, и подтолкнул Турцию к тому, чтобы она ответила на растущее давление России на Польшу объявлением войны в октябре 1768 года [11].

Затем французы попытались использовать ситуацию в Польше, чтобы помочь туркам. Французские агенты были направлены в антироссийскую Барскую конфедерацию, куда

Таулес отправился в 1768 году. Обеспокоенный успехами России против турок, в августе 1770 года Шуазель выбрал генерала Дюмурьеза в качестве агента, которому было поручено создать польскую конфедеративную армию, которая с помощью Франции смогла бы противостоять России. Он был разочарован, обнаружив, что конфедераты разобщены, плохо вооружены и дисциплинированы и менее многочисленны, чем он надеялся [9, pp. 49-50], но французские планы придали силы русскому желанию восстановить контроль над Польшей. Шуазель также пытался возродить политику barrière de l'est (Восточного барьера) в Швеции. Граф Моден был направлен в качестве посла и в конце 1768 года успешно убеждал короля Адольфа Фредерика ограничить англо-русское влияние в шведской политике.

Россия вернула контроль над Польшей в 1772 году путем Первого раздела - шаг, который показал слабость австро-французского альянса. Мария Терезия противилась идее раздела, но опасность того, что Пруссия и Россия могут добиться успехов без австрийского эквивалента, заставила ее передумать, к ярости французов. Все три державы получили по большому куску Польши: Д'Эгийон заявил Мерси, австрийскому посланнику в Париже, что оборонительные положения австро-французского союза не могут распространяться на эти новые завоевания, а коллега Мерси, Роан, и его правительство жаловались на то, что австрийцы не проконсультировались с Францией [12].

Гнев по поводу состояния альянса подогревался страхом перед возможными последствиями раздела. Примирения с Россией не произошло [13]. В 1773 году герцог Брольи, в то время директор "Секрета Короля", самоуверенный и непростой аристократ, предупредил Людовика XV, что последствия нового союза не ограничатся унижением Польши и Турции. Он предупреждал, что Густав III Шведский может быть свергнут, Германия окажется под австро-прусским контролем, Италия - под австрийским, а вся Европа - под влиянием трех разделяющих держав [6, pp. 497-498].

Такие опасения были преувеличены, не в последнюю очередь потому, что державы быстро рассорились, да и вообще, использование силы для получения территории без учета даже слабых юридических претензий было не ново. Однако для французского правительства Первый раздел стал особым потрясением, потому что он одновременно представлял и подчеркивал провал его дипломатии, хотя некоторые влиятельные интеллектуалы, такие как Дидро и Вольтер, поддержали этот шаг, поскольку считали Польшу менее просвещенным государством, чем ее агрессоры. Освоение ресурсов и получение поддержки восточноевропейских государств уже давно было главной темой для их западноевропейских коллег, особенно после поражения Австрии от турок в 1680-х годах и вновь обретенного динамизма России в 1690-х годах. В 1756 году Франция, похоже, одержала победу в этой борьбе, вытеснив Британию из австрийского альянса и, благодаря этому, приобретя связи с Россией, которые были сильнее, чем у Британии.

Действительно, если с 1742 года Франция была союзником более слабой стороны в Центральной и Восточной Европе, то с 1756 года это стало относиться к Великобритании. Ход Семилетней войны не оправдал ожиданий Франции, но она вышла из нее в относительно благоприятной дипломатической ситуации, чему способствовало более осторожное отношение Великобритании к континентальному интервенционизму с 1761 года. После распада англо-прусского альянса в 1762 году только Франция среди держав Западной Европы имела мощного союзника на востоке.

Смерть царицы Елизаветы в том же году и престолонаследие пропрусского Петра III Шуазель расценил как подтверждение решения о союзе с Испанией [14]. Австрия также оставалась союзником, хотя Шуазель опасался, что ее амбициозные планы могут привести к конфликту с Бурбонами [15]. У Великобритании не было такого выбора, когда в том же году

распался ее союз с Пруссией. Кроме того, ослабление напряженности в Италии позволило Франции поддерживать союзы с Австрией и Испанией. Карл III стремился к улучшению отношений с Австрией [14, p. 168], а Шуазель стремился к укреплению системы Австрии, Франции и Испании [15, p. 174].

При переоценке восточной дипломатии Людовика XV становится ясно, что маневры Франции были продиктованы не только силовой политикой — они отражают меняющееся мировоззрение, в котором государственное управление зависело от гибких союзов и идеологических тонкостей. Вместо того чтобы рассматривать Россию исключительно как противовес Австрии, французские министры постепенно стали ценить взаимные выгоды от устойчивого сотрудничества: обмен разведданными, скоординированные схемы субсидирования и даже предварительное военное планирование сформировали модель сотрудничества великих держав, выходящую за рамки традиционной вражды. Однако этот союз не был лишен парадоксов. Предоставив России возможность сдерживать амбиции Габсбургов, Париж невольно усилил партнера, чьи долгосрочные планы в отношении Речи Посполитой превосходили интересы Франции, что в конечном итоге привело к расчленению Варшавы.

Аналогичным образом, глубокое вовлечение Франции в политику преемственности в Польше подчеркивает ограниченность дипломатии, основанной на субсидиях. Поддержка претензий Августа III в 1733 году и выплата пенсий магнатским фракциям на первый взгляд казались разумной защитой от посягательств Габсбургов. Однако на практике Версаль обнаружил, что деньги могут купить влияние, но не лояльность: развертывание российского флота в Балтийском море и интриги австрийского двора неоднократно подрывали французские цели, показывая уязвимость стратегии «буферного государства», когда более близкие державы решали применить силу.

В совокупности эти события дают важный урок для государственных деятелей XVIII века: дипломатия баланса сил требует не только тщательного расчета ресурсов, но и четкого понимания долгосрочных амбиций партнеров. Двойная кампания Франции в Петербурге и Варшаве стала одновременно триумфом дипломатической инновации, заложившей основу для последующих коалиций, и предупреждающим примером о непреднамеренных последствиях расширения полномочий союзников. В этом свете восточная политика Людовика XV предстает как дальновидный эксперимент по согласованным действиям, так и поучительное исследование сложностей управления альянсами на неспокойной границе Европы.

Библиографический список

1. Antoine M. and Ozanam D. “Le Secret du Roi” Correspondance secrète du Comte de Broglie à Louis XV. 2 vols. Paris. 1956. I. p. 89, 91.
2. Paris. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance Politique. Brunswick-Hanover 52. p. 141.
3. Paris. Bibliothèque Nationale. Nouvelles Acquisitions Françaises. 22010. p. 30, 76–78.
4. Bosher J.F. “The French crisis of 1770”. History. 57. 1972. p. 17–30.
5. Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie. Paris. 1866. II. p. 284, 497–498.
6. Staszewski J. “Le “Secret du Roi” sans mystères. Acta Poloniae Historica. 51. 1985. p. 123–131.
7. Paris. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance Politique. Autriche 295. p.140, 261.
8. Padover S.K. Prince Kaunitz and the First Partition of Poland. Chicago. 1932. pp. 49–50.
9. Rostworowski E. “La France de Louis XV et la Pologne”. Acta Poloniae Historica. 22.1970. p. 74–75.
10. Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. New Haven. Connecticut. 1975. p. 17–33.

11. Kuneralp S. Studies on Ottoman Diplomatic History. Istanbul.1987. pp. 56–57.
12. Boutry M. “L’Ambassade du Prince Louis de Rohan à Vienne” 1772–1774. 17. 1903. p. 229, 241.
13. Andriescu C.I. “La France et la politique orientale de Catherine II (d’après les rapportsdes ambassadeurs français à St Petersbourg)”. Mélanges de l’Ecole roumaine en France. 5.1927. pp. 3–155.
14. Paris. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance Politique. Espagne 535. p. 149, 168.
15. Paris. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance Politique. Espagne 536. p. 29, 174.

Сведения об авторе:
Синяков Антон Викторович, магистрант Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, e-mail: sinyakov_2002@list.ru

УДК 94(73)

С. А. Иванчей

Реконструкция Юга США (1865-1877) в дискурсе прессы Российской империи

Аннотация: *Статья исследует, как пресса Российской Империи интерпретировала события Реконструкции Юга США (1865–1877), отражая через них внутренние социально-политические вызовы России: крестьянскую реформу 1861 года, революционные движения и консервативную идеологию. Анализируя публикации консервативных («Московские ведомости») и либеральных («Голос», «Отечественные записки») изданий, автор раскрывает, как американские события - от земельных реформ до расовых конфликтов - использовались для обсуждения российских проблем.*

Ключевые слова: *Реконструкция Юга США, Российская Империя, пресса, Московские ведомости, Голос, Отечественные записки, крестьянская реформа 1961, консерватизм, либерализм.*

Ivanchey S. A. Reconstruction of the South of the USA (1865-1877) in the Discourse of the Press of the Russian Empire

Abstract: *The article explores how the press of the Russian Empire interpreted the events of the Reconstruction of the Southern United States (1865-1877), reflecting through them the internal socio-political challenges of Russia: the peasant reform of 1861, revolutionary movements and conservative ideology. Analyzing the publications of conservative (Moskovskie Vedomosti) and liberal (Golos, Otechestvennye Zapiski) publications, the author reveals how American events - from land reforms to racial conflicts - were used to discuss Russian issues.*

Keywords: *Reconstruction of the South of the USA, the Russian Empire, the press, Moskovskie Vedomosti, Golos, Otechestvennye zapiski, peasant reform of 1961, conservatism, liberalism.*

Период Реконструкции Юга США (1865-1877) привлек внимание Российской Империи не только как далекий исторический эпизод, но и как зеркало собственных социально-политических вызовов. Российская пресса, от консервативных «Московских ведомостей» до либерального «Голоса», интерпретировала события в Америке через призму внутренних проблем: завершение крестьянской реформы 1861 года, рост революционных движений и укрепление консервативного курса при Александре III. Дипломатический контекст также играл роль: Россия, поддержавшая Север в Гражданской войне, видела в США союзника против британского влияния, что усиливало интерес к послевоенному урегулированию. Однако к 1870-м годам тон публикаций стал меняться - успехи «Искупителей» (южных демократов) и кризис радикальной Реконструкции все чаще подавались как предостережение против «революционных экспериментов».

Ключевой фигурой в российском нарративе стал президент Эндрю Джонсон. Консервативные издания, такие как «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова, изображали его как защитника порядка, который, подобно Александру II, пытался балансировать между реформами и стабильностью. Его амнистию южан и отказ от передела земель пресса называла «мудрой осторожностью», противопоставляя «радикальному безумию» Конгресса. Когда в 1868 году против Джонсона начался процесс импичмента, российские журналисты заговорили о «политическом театре». Либеральный «Голос» сравнивал действия Конгресса с европейскими революциями 1848 года, а «Санкт-Петербургские ведомости» видели в них угрозу «узурпации власти законодателями», проводя параллели с польским восстанием 1863 года. Радикальных республиканцев вроде Тадеуза Стивенса консервативная пресса клеймила как «фанатиков равенства», чьи требования избирательных прав для чернокожих и конфискации плантаций напоминали ей призывы русских народников к переделу земли [1, с. 189].

Особое внимание уделялось роли федеральных войск на Юге. Либеральные издания оправдывали военное присутствие: «Голос» в 1867 году писал, что «только сила оружия может

сломить упрямство южан, забывших, что рабство - позор цивилизации». Консерваторы, напротив, видели в этом «оккупацию», разрушающую традиционный уклад. «Московские ведомости» в 1869 году проводили аналогии с подавлением мятежей в национальных окраинах Империи: «Военное управление превратило цветущие штаты в казармы… Не напоминает ли это нашу борьбу с мятежными провинциями?». Участие афроамериканцев в политике вызывало скепсис: даже умеренные издания называли это «экспериментом против природы» (Новое время, 1871), отражая расовые стереотипы эпохи.

Сравнение отмены рабства в США и крепостного права в России стало общим местом в публицистике. Либералы в «Отечественных записках» подчеркивали прогрессивность обеих реформ, но консерваторы указывали на их «половинчатость». «Русский вестник» в 1866 году писал: «Освобождение негров без земли, как и наши крестьяне без наделов, порождает нищету и бунты». К 1870-м годам, на фоне насилия Ку-клукс-клана, тон статей ужесточился: успехи южных демократов подавались как «естественная реакция на хаос». «Московские ведомости» в 1875 году проводили прямую параллель: «Южане, как и русские дворяне, защищают свои права от чужаков и анархистов» [2, с. 158].

В итоге российская пресса использовала Реконструкцию как арену для идеологических битв. Либералы видели в ней попытку справедливого переустройства, но большинство изданий, отражая курс власти, осуждали «революционный радикализм». Критикуя «насильственные изменения», консерваторы укрепляли нарратив о незыблемости традиционной иерархии - будь то расовой в США или сословной в России. Страх перед социальным взрывом, усиленный памятью о крестьянских волнениях и покушениях народовольцев, превратил «американский хаос» в аргумент против любых реформ. Таким образом, Реконструкция Юга стала для Российской Империи не просто зарубежным сюжетом, а уроком, который власть и общество применяли в спорах о собственном будущем.

Реконструкция Юга США стала для российской прессы не только политическим, но и экономическим зеркалом, в котором отражались собственные вызовы Империи: последствия крестьянской реформы 1861 года, кризис помещичьего землевладения и страх перед революционными потрясениями. Российские издания, от консервативных «Московских ведомостей» до либеральных «Отечественных записок», внимательно анализировали попытки США перестроить экономику Юга, видя в них параллели с русскими реалиями. Земельный вопрос стоял в центре дискуссий. Программа «40 акров и мул», призванная наделить бывших рабов землей, вызвала полярные оценки. Либералы сравнивали её с крестьянской реформой: «Отечественные записки» в 1867 году писали, что «освобождение без земли обрекает и негров, и русских мужиков на вечную кабалу», подчеркивая, что и в России наделы крестьян были недостаточны для выживания. Консерваторы же, как «Московские ведомости», называли передел плантаций «революционной утопией», способной «разрушить вековой уклад, как это пытаются сделать наши нигилисты с общиной». Провал программы (к 1870 году лишь 5% чернокожих получили землю) пресса трактовала как доказательство «опасности радикализма», проводя аналогии с сохранением помещичьих владений после 1861 года [3, p. 140-141].

Крах плантационной системы и спад хлопкового производства (с 5,7 млн кип в 1861-м до 1,9 млн в 1866-м) российские экономические издания, такие как «Вестник промышленности», связывали с «бременем свободы». Падение экспорта хлопка сравнивали с кризисом русской деревни, где отмена крепостного права привела к дефициту рабочих рук и росту долгов. При этом рост промышленности Севера и строительство железных дорог (54 тыс. км за 1867-1873 гг.) воспринимались неоднозначно. Либералы видели в этом «триумф прогресса»: «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что «железные дороги, как и в России, должны связать окраины с центром, создав единый рынок». Консерваторы же, как «Новое время»,

обвиняли северных капиталистов в «колонизации Юга», сравнивая её с эксплуатацией русских крестьян: «Капитал строит фабрики на костях южан, как наши помещики живут с крестьянских податей».

Социальные конфликты на Юге - от террора Ку-клукс-клана до «чёрных кодексов» - пресса интерпретировала через призму страхов перед «анархией». Либеральный «Голос» называл расовые законы «новым рабством», проводя параллели с временнообязанным положением крестьян, вынужденных годами отрабатывать повинности за землю. Консервативные издания, напротив, оправдывали южан. «Русский вестник» в 1872 году писал: «Белые, как русские дворяне, защищают порядок от черни, которая, получив свободу, не знает, что с ней делать». Даже система трудовых контрактов, приковавшая бывших рабов к плантациям за гроши, находила сторонников: «Московские ведомости» утверждали, что «негры, как наши мужики, ленивы по природе - без кнута труд исчезает» [4, с. 235].

Промышленный рывок США к 1880-м годам, выведший страну в мировые лидеры, российская пресса оценивала противоречиво. Либералы видели в этом урок для России: «Отечественные записки» призывали «перенять технический гений янки, избегая их социальных ошибок». Консерваторы же, как «Новое время», акцентировали «цену прогресса»: «Американский капитализм, как и наше крепостничество, пожирает слабых». Завершение Реконструкции в 1877 году (вывод войск с Юга и торжество «Искупителей») подавалось как «победа здравого смысла». «Московские ведомости» писали: «Юг, как и Россия, вернулся к естественному порядку - эксперименты окончены, иерархия восстановлена».

Таким образом, российская пресса превратила американские события в метафору собственных реформ. Либералы искали в Реконструкции надежду на модернизацию без революции, консерваторы - подтверждение опасности любых перемен. Критикуя «радикальные эксперименты», защитники традиций укрепляли идею незыблемости сословного строя, а сравнение «чёрных кодексов» с временнообязанными крестьянами обнажало лицемерие имперской элиты, которая осуждала расизм в США, но оправдывала крепостнические пережитки дома. Реконструкция Юга стала для России не просто хроникой далёкой страны, но зеркалом, в котором смешались страхи, надежды и двойные стандарты эпохи [5, с. 80].

Российская пресса внезапно столкнулась с культурным вызовом, обнажившим глубокие противоречия в восприятии расового вопроса. Российские издания, от либеральных до консервативных, интерпретировали положение афроамериканцев через призму собственных социальных иерархий, колониальной политики и крепостнического наследия, создавая противоречивые образы - от «жертв тирании» до «неготовых к свободе». Либеральные газеты, такие как «Голос», часто сочувствовали освобождённым рабам, сравнивая их борьбу за права с положением русских крестьян: «Негры, как и наши мужики, получили свободу без земли, а значит - без будущего» (1867). Однако даже в либеральной риторике сквозили стереотипы: «Русский вестник» в 1866 году писал, что «негры, подобно русским крестьянам, не способны к самоуправлению без руководства просвещённых классов», смешивая расовые предрассудки с сословными предубеждениями.

Консервативная пресса, особенно «Московские ведомости» и «Новое время», открыто воспроизводила расистские нарративы южан. Чернокожих называли «ленивыми», «агрессивными» и «угрозой цивилизации», а их участие в политике высмеивали как «комедию равенства». В 1871 году «Новое время» заявляло: «Дать негру избирательное право - всё равно что разрешить ребёнку играть с огнём». Эти оценки усиливались на фоне страхов перед революционными движениями в России: консерваторы видели в требованиях расового равенства аналог призывов народников к социальному переустройству [6, с. 208].

Террор Ку-клукс-клана и «чёрные кодексы» стали темами, расколовшими российскую прессу. Либералы, такие как «Голос», осуждали насилие: «Линчевания в Джорджии - это не восстановление порядка, а возврат к варварству» (1868). Они проводили параллели между расовыми законами Юга и дискриминацией крестьян в России, указывая, что «временнобязанные мужики, как и негры, остаются рабами на бумаге». Консерваторы, напротив, оправдывали южан. «Московские ведомости» в 1875 году сравнивали Ку-клукс-клан с русскими дворянскими ополчениями, «защищающими порядок от анархии»: «Белые южане, как наши помещики, вынуждены брать правосудие в свои руки, когда власть бездействует».

Культурные параллели углубляли дискуссию. Российские авторы сравнивали сегрегацию в США с политикой Империи в национальных окраинах. Либералы отмечали, что «чёрные кодексы» напоминают ограничения для евреев в черте оседлости, а «закатные города» Юга - казачьи станицы, куда инородцам доступ был закрыт. «Отечественные записки» в 1870 году писали: «Как Америка борется с «негрским вопросом», так Россия - с «еврейским» и «мусульманским», но ни там, ни здесь равенство не достигнуто». Консерваторы использовали эти аналогии иначе: «Русский вестник» утверждал, что «равенство рас так же утопично, как равенство татарина и великоросса», подчёркивая «естественность» иерархий [7, p. 160-161].

Образ чернокожего в российской прессе колебался между двумя полюсами: «жертвой» и «бунтарём». Роман «Хижина дяди Тома» упоминался как символ страданий рабов, но к 1870-м годам либералы критиковали его за пассивность героя: «Новые негры требуют прав, а не жалости - как наши разночинцы, они хотят перемен» («Санкт-Петербургские ведомости», 1873). Консерваторы же, описывая восстания афроамериканцев, акцентировали их «дикость»: «Бунт негров в Южной Каролине - это не борьба за свободу, а резня, как пугачёвщина» («Новое время», 1876).

Расовая проблематика стала для России инструментом внутренней полемики. Либералы видели в Реконструкции урок: «Если Америка, страна рабства, может дать неграм права, то почему Россия отказывает в них крестьянам?» («Отечественные записки», 1868). Консерваторы, напротив, использовали провал Реконструкции как аргумент против реформ: «Юг вернулся к порядку, когда белые взяли власть - так и нам нужна твёрдая рука, а не конституционные иллюзии» («Московские ведомости», 1877). Эти споры отражали конфликт между западниками и славянофилами, где американский расовый вопрос стал метафорой для обсуждения путей развития Империи [8, с. 119].

Таким образом, российская пресса превратила трагедию афроамериканцев в зеркало собственных противоречий. Сочетая сочувствие к «жертвам рабства» с расистскими стереотипами, авторы статей не столько анализировали американскую реальность, сколько проецировали на неё страхи и надежды русского общества. Реконструкция Юга стала для России не просто хроникой далёкой гражданской войны, но призмой, через которую Империя пыталась понять себя - от крепостнического прошлого до тревожного будущего.

Библиографический список

1. Болховитинов Н.Н. Россия и США: Очерки истории русско-американских отношений (конец XVIII - начало XX вв.). - М.: Наука, 1980.
2. Кириллина С.А. Российская пресса XIX века: политика, общество, культура. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
3. Foner E. Reconstruction: The Unfinished Revolution in America (1863–1877). - М.: Прогресс, 1988.
4. Рогинский А.Б. Отмена крепостного права в России и мировой контекст. - М.: РОССПЭН, 2011.
5. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. - М.: Соцэкгиз, 1958.
6. Тютюкин С.В. Революционная мысль и либеральная пресса в России второй половины XIX века. - М.: Наука, 1977.

7. Blakely A. Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought. - Washington: Howard University Press, 1986.
8. Степанов А.Д. Консервативная пресса России конца XIX века: «Московские ведомости» М.Н. Каткова. - М.: ИРИ РАН, 2004.

Сведения об авторе:

Иванчей Сергей Александрович, магистр факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: sergey.ivanchey@yandex.ru

УДК 94

А. Е. Порунов

Протесты в тюрьме Мэйз 1980 года, как фактор давления на правительство Великобритании

***Аннотация*:** *В данной статье затрагиваются процессы, происходящие в Британском обществе в 1980 году, а в частности протесты в тюрьме Мэйз, как один из факторов давления на правительство Великобритании. Статья затрагивает голодовку 1980 года, как одно из проявлений конфликта между ирландцами-республиканцами и властями Великобритании. Главной целью протестующих в тюрьме было повторное введение статуса политических заключенных, который был отменен в 1976 году, что спровоцировало протестные настроения среди заключенных. В статье рассматриваются политика правительства к заключенным в тюрьме Мэйз, быт заключенных и их досуг, позиции первых лиц правительства Великобритании по отношению к данной проблеме, реакция международной общественности на политику, проводимую Великобританией.*

***Ключевые слова**: Маргарет Тэтчер, Тюрьма Мэйз, Ирландская смута, голодовка в тюрьме Мэйз, Ирландская республиканская армия (ИРА), политический статус заключённых, протесты заключенных, условия содержания заключенных.*

Porunov A. E. The 1980 Maze Prison Protests as a Factor of Pressure on the British Government

***Abstract:** This article explores the developments within British society in 1980, particularly the protests at Maze Prison as one of the key factors exerting pressure on the UK government. It examines the 1980 hunger strike as a manifestation of the conflict between Irish republicans and British authorities. The primary demand of the protesting prisoners was the reinstatement of political prisoner status, which had been revoked in 1976, fueling discontent among inmates. The article analyzes the British government's policy toward Maze Prison inmates, their living conditions and daily routines, the positions of senior UK officials on the issue, and the international community's response to Britain's policies.*

***Keywords**: Margaret Thatcher, Maze Prison, The Troubles, Maze Prison hunger strike, Irish Republican Army (IRA), political prisoner status, prisoner protests, prison conditions.*

Первопричиной протестов в тюрьме Мейз стала отмена статуса политических заключенных для членов ИРА, что в свою очередь вызвало возмущение среди заключенных, и перетекло в ряд протестов против условий содержания.

Сама же Маргарет Тэтчер, говоря о политическом статусе у заключенных, отмечает, что: «Это было большой ошибкой, и с этим было покончено в 1976 году. С заключенными, обвиненными в преступлениях такого рода, после этой даты обращались как с обычными заключенными – никаких особых привилегий у них не было.» [10, с. 506]

Премьер-министр называет свои взгляды касаемо «Ирландской проблемы», как: «Глубоко юнионистские, и наша партия всегда, всю свою историю, была полностью предана защите Союза». [10, с. 505] Что в свою очередь объясняет, большую часть действий британского правительства с 1979 по 1990 года.

Переходя к протесту против ужесточения условий содержания в тюрьмах, датой отсчета становится событие 14 сентября 1976, когда в тюрьму Мэйз прибывает первый заключенный без политического статуса. Этим заключенным был Киран Наджент. Наджент был отправлен в новые «Н-блоки» тюрьмы Мейз, где он отказался носить тюремную одежду, предпочтя вместо этого обернуться одеялом.

Дабы понимать, почему новые заключенные, которые прибывали в тюрьму Мэйз были недовольны своим положением, нужно понять, какие условия изначально были в тюрьме.

Лагерь для интернированных Лонг-Кеш, она же тюрьма Её Величества «Мэйз», это лагерь для заключенных, который был построен на месте бывшего аэродрома ВВС Британии. Изначально, это был лагерь на подобии военной базы, где заключенные жили в общих бараках

типа «Хижина Ниссена», таким образом, заключенные могли свободно коммуницировать друг с другом, а с введением особого статуса, мы можем сделать вывод, что условия содержания в тюрьме подобного плана, были относительно свободными.

Однако, с упразднением особого статуса, и поменялось само устройство тюрьмы. Стали строиться новые тюремные блоки, типа «H-block», в которых заключенные разделялись на отдельные камеры. Каждый Н-блок был окружен бетонной стеной с колючей проволокой сверху, а ворота внутри комплекса были построены из цельной стали. Весь участок также был окружен сторожевыми вышками и стеной по периметру. Большой комплекс также включал отдельное здание больницы, здание для посещений, многоконфессиональную часовню и два больших футбольных поля, а также несколько административных зданий. [4]

Таким образом, ужесточение правил содержания и изоляция заключенных, негативно влияли не только на психологическое состояние заключенных, но и имели негативные последствия для положения британского правительства, что в свою очередь вылилось в протесты в тюрьме, и стало острым вопросом вплоть до 1981 года.

Так, попав в жесткие условия, Киран Наджент, предпринимает решение о начале своего протеста. И именно с этого начался так называемый «одеяльный протест». Суть протеста заключалась в том, что, отказавшись от надевания тюремной униформы, и укутавшись только одеялами, заключенные хотели добиться:

- права не носить тюремную униформу;
- права не делать тюремную работу;
- права на свободу коммуникации с другими заключёнными, а также на организацию образовательных и развлекательных мероприятий;
- права на один визит, одно письмо и одну посылку каждую неделю;
- полного права на помилование. [3, p. 229]

Вопреки устаревшему мнению советских исследователей о том, что: «В следствии чрезвычайных мер, население тюрем стало слишком многочисленным для 1.5 млн. жителей Ольстера». [8, с. 150] и, что: «Большинство узников находилось в заключении за свои политические убеждения». [8, с. 150] На сколько эти суждения верны, мы можем только догадываться, так как политически ангажированные исследователи любят делать подобные заявления, не прикрепляя их фактами. Английские же исследователи, дают нам более точные цифры, касаемые интернированных. Так, к 1974 году, количество заключенных стало 2650 человек. [2, p. 57]

В 1971 году, Дублин возбудил дело против Великобритании в ЕСПЧ. Суд преступил к слушанию по делу № 5310/71 уже после того, как Киран Наджент объявил о своем протесте в тюрьме Мэйз. Как итог, суд признал, что Великобритания: «Виновна в нарушении статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека, запрещающей пытки, бесчеловечное и унизительное обращение с заключенными». [1]

Одеяльный протест Кирана Наджента сыскал поддержку среди других заключенных членов ИРА, что в свою очередь переросло в так называемый «грязный протест», который заключался в полном отказе от гигиены. Данный вид протеста станет популярным среди заключенных, так как 470 заключенных на момент ноября 1980 года, будут придерживаться этого вида протеста. [7, p. 8] Маргарет Тэтчер охарактеризовала этот протест, как «отвратительный».

Мы можем сказать, что на момент 23 ноября 1980 года заключенных бойцов ИРА в тюрьмах по всей Северной Ирландии находилось 2497 человек, из которых 234 это несовершеннолетние заключенные, которые находились в отдельной колонии Хайдбанк в пригороде

Белфаста. 2263 человека, это заключенные, которые находились в колониях по всей Северной Ирландии:

Белфаст – 512 заключенных

Магиллиган – 138 заключенных

Арма – 73 заключенных

Фойл – 82 заключенных

Самый большой лагерь для интернированных, конечно же был лагерь Мэйз, в котором находилось в общей сумме 1 458 заключенных. [7, p. 8]

Таким образом, можем сделать вывод, что в процентном соотношении, заключенных бойцов ИРА на момент ноября 1980 года из всего населения Ольстера было 0.2%, что очень мало. Также, мы можем сказать, что количество заключенных по всей стране было плюс-минус одинаковым на протяжении 1974-1980 годов, таким образом, позиция советских историков по вопросу массовых репрессий по отношению к населению Ольстера в середине 70-х, начале 80-х годов несостоятельна, поскольку мы видим, что количество заключенных не превышало половины процента от всего населения Ольстера. Примечательно то, что в протестах, с требованиями вернуть статус политических заключенных, участвовало 528 человек по всей Северной Ирландии. [7, p. 8] И естественно, правительство Великобритании не могло пойти на такие уступки.

Касаемо положения заключенных в тюрьме Мэйз, то мы можем сказать, что в этой тюрьме, досуг заключенных мог быть разнообразным. В тюрьме была библиотека из 3000 экземпляров книг в самой тюрьме, и 18500 экземпляров книг можно было заказать в мобильной библиотеке. [7 p. 17]

Также, по истечении 2х лет, проведенных в тюрьме, заключенным могли выделить радиоприемник прямо в камеру. [7, p. 17] А каждые выходные, заключенные могли смотреть телепередачи или записи футбольных матчей. [7 p. 17]

Касаемо свиданий, если заключенный не нарушал режим содержания, то он мог иметь четыре тридцатиминутных свидания с родственниками в месяц. [7, p. 18] Тюрьма Мэйз могла оплатить восемь писем заключенных в месяц. А остальные письма, заключенные оплачивали из своего кармана. [7, p. 18]

Однако, все эти привилегии были доступны только тем заключенным, которые соблюдают тюремный режим. Заключенные, которые участвовали в любом из видов протеста, будь то «грязный протест» или же «чистый протест» (когда заключенный попросту отказывался выполнять тюремную работу) лишались этих привилегий.

Также, мы можем проследить, каково было положение заключенных, которые участвовали в протесте путем анализа того, что полагалось протестующим заключенным:

1. Одно входящее и одно исходящее письмо в месяц. (Исходящее письмо оплачивалось администрацией тюрьмы). С 1980 года, количество писем увеличилось до 3х в месяц
2. Одно свидание в месяц
3. Посылки заключенным были запрещены
4. Разнообразная гражданская одежда
5. Не менее одного часа физических упражнений на открытом воздухе, если позволяет погода
6. Часы свободного общения с заключенными сокращались до одного часа в неделю [7 p. 25]
7. Доступ к литературе и газетам, для протестующих заключенных был доступен во время воскресной мессы

8. Тюремный магазин для заключенных не доступен
9. Радио для протестующих не доступно
10. Отпуск заключенных домой невозможен, но с 1980 года, отпуск возможен в исключительных обстоятельствах
11. Протестующие заключенные не имеют права на условно-досрочное освобождение. Исключением являются только те случаи, когда заключенный раскаялся в нарушении тюремной дисциплины и прекратил протест. [7, p. 26]

Таким образом, мы можем увидеть следующее. Если заключенные в тюрьме Мэйз не нарушали режим содержания, то их прибывание в тюрьме было весьма и весьма мягким. Однако, нужно понимать, мотивацию заключенных, которые принимают участие в протесте. Согласно «Зеленой книге», бойцам ИРА предписывалось полный отказ от сотрудничества с силовыми структурами. [9, с. 24] Из этой идеологической парадигмы мы можем понять то, что члены Ирландской республиканской армии были на столько идеологически пропитаны ненавистью к силовым и властным структурам, что сотрудничество с ними, уже даже после того, как их осудили, являлось недопустимым для самый преданных членов ИРА.

Первая голодовка в тюрьме Мэйз проходила осенью 1980 года, и её участниками были: Брендан Хьюз, Томми МакКерни, Рэймонд МакКартни, Том МакФили, Шон МакКенн, Лео Грин и Джон Никсон. Позже, к этим протестующим присоединились три заключенные женской тюрьмы Арма: Мейред Фаррелл, Мэри Дойл и Мейред Нуджент.

Как отмечала М. Тэтчер: «10 октября несколько заключенных объявили о своем намерении, если их требования не будут выполнены, в понедельник 27 октября начать голодовку. Среди наиболее важных выдвигались требования носить собственную одежду, свободно общаться с другими «политическими» узниками и не выходить на тюремную работу.» [10, с. 507]

Позиция Тэтчер по вопросу голодовки была ясной и радикальной: «Всем своим нутром я была против того, чтобы подчиниться их давлению, и, безусловно, не было и речи об изменении тюремного режима после начала забастовки. Не стоял вопрос и о признании политического статуса.» [10, с. 507]

Мы можем заметить, что в битве за общественное мнение, которое наиболее важно в любом конфликте в эпоху постиндустриального общества, более прагматичным был не премьер-министр Великобритании, а высокопоставленный офицер полиции Ольстера. О битве за общественное мнение нам говорит и заседание кабинета министров 23 октября 1980 года: «У голодающих есть решимость продолжать свою акцию. Первые смертельные случаи можно ожидать около Рождества, а к началу следующего года число жертв может достичь двузначных цифр. Главная задача Правительства - заручиться поддержкой общественного мнения в своей решимости не предоставлять особый статус тем, кто осужден за убийства и другие насильственные преступления.» [5, p. 2] Тут мы можем увидеть то, что правительство Великобритании действительно хотело быть прагматичным в вопросах, касаемых голодовки в тюрьме Мэйз. Трезвая оценка ситуации позволило правительству Великобритании понять, что, если они не будут принимать меры, по смягчению условий содержания заключенных, это может вылиться в низкую поддержку власти в целом, что в свою очередь сыграет на руку ирландским республиканцам.

Из этого же заседания кабинета министров, мы можем увидеть, что еще до начала голодовки, обсуждались уступки, которые могут быть сделаны заключенным. В первую очередь, на этом заседании, обсуждалось дальнейшее возможное развитие событий, и опасения по поводу начала массовых акций неповиновения: «Поддержка протеста в Северной Ирландии пока ограничивалась небольшими ежедневными демонстрациями, но можно ожидать их расширения по мере продолжения голодовки» [5, p. 2]

Мы видим опасения того, что эти протестные акции приведут к дальнейшей эскалации. Также, отмечалось то, что существовал риск активности ИРА, которая захочет усилить эффект от протестов, путем осуществления террористических атак на территории Великобритании. [5, p. 2] Однако, оценки действительной мощи «временной» ИРА у кабинета министров Великобритании весьма и весьма низкие [5, p. 2], что свидетельствует нам о том, что ИРА к началу 80-х была в крайне дезорганизованном состоянии.

Также, на заседании кабинета министров обсуждались те требования, которые выдвинули протестующие заключенные: «Три из пяти привилегий, требуемых протестующими в рамках более общего требования о политическом статусе, уже доступны тем заключенным, которые соблюдают обычные тюремные правила. Не может быть и речи об освобождении каких-либо заключенных ИРА от требования выполнять тюремные работы. Пятое требование заключалось в том, чтобы заключенным ИРА разрешили носить свою одежду. Любая привилегия такого рода должна быть предоставлена всем заключенным в Северной Ирландии, а не только тем, кто осужден за преступления, имеющие политический мотив.» [5, p. 2]

Здесь мы видим то, что правительство, было готово обсуждать требования заключенных, что в свою очередь идет в разрез с теми заявлениями, которая делала публично Маргарет Тэтчер, о том, что она не пойдет на поводу у заключенных.

В обсуждении ношения гражданской одежды среди заключенных, мы также можем увидеть то, что правительство Великобритании ориентировалось на замечания Европейской комиссии по правам человека. [5, p. 2]

Тэтчер также отмечает, что огромную роль в отмене голодовки сыграл Римская католическая церковь, и что Папа Иоанн Павел II, полностью согласился из гуманистических соображений, что голодовка – это ужасно, и её нужно прекращать, а правительству Великобритании нужно проявлять «гибкость». [10, с. 508] Однако, о визите М. Тэтчер в Рим в ноябре 1980 мы можем узнать из британского национального архива. Римо-католическая церковь действительно стояла на позициях гуманизма, но главное, что забыла упомянуть Маргарет Тэтчер в своей автобиографии – это то, что кардиналы благодаря капеллану тюрьмы Мэйз получили сообщение о том, что голодающие хотели обсуждения компромиссов. [7, p. 119]

Папа Римский был в курсе того, что происходит в Ирландии, и в своем послании архиепископу Ирландскому О'Файху разъяснил, что католическим клирикам следует обращаться не только к британским властям, но и к заключенным в тюрьме, чтобы выстроить диалог между сторонами. [7, p. 120]

Тэтчер в своей автобиографии отметила такой факт: «Разговоры об уступках и компромиссах продолжались и становились более интенсивными, а в четверг 18 декабря, когда один из узников стал терять сознание, голодовка была сразу прервана. ИРА позже утверждала, что сделала это из-за того, что мы пошли на уступки, но это было полнейшей неправдой.» [10, с. 508]

Однако, разговор о компромиссах и уступках обсуждался еще 23 октября, где тактика «компромиссов» рассматривалась, как возможность Великобритании показать своё «милосердие». Кабинет министров рассматривал этот вопрос так: «Может показаться, что Правительство готово пойти на частичное признание статуса военнопленных еще до начала протеста, и можно предположить, что Правительство будет готово уступить по другим вопросам, включая работу, как только голодовка достигнет критической стадии. Правительство не должно раздавать все свои козыри в начале этой акции.» [5, p. 3] и «После начала протеста не следует делать никаких дальнейших предложений, которые могут быть истолкованы как уступки под давлением. Уступки, которые вряд ли убедит голодающих не начинать голодовку, вряд ли убедит их прекратить ее, когда она уже начнется. Разумный подход Правительства на этом этапе

подорвет поддержку протестующих и снизит риск того, что зарубежная пропагандистская кампания против Правительства - начавшаяся в Соединенных Штатах - приведет к увеличению потока денег и оружия для ИРА.» [5, p. 3]

Таким образом, принятие решения касаемо принятия поблажек заключенным, было не просто акцией милосердия, которую выдвинул кабинет министров Великобритании, а запланированный алгоритм действий, который был направлен на то, чтобы, во-первых, повысить собственную поддержку у населения, во-вторых, снизить поддержку ИРА у общественности, как внутри страны, так и в других странах.

Как итог, заседания кабинета министров, Маргарет Тэтчер заявила, что: «Кабинет согласился с тем, что маловероятно, что какие-либо действия Правительства, кроме предоставления полного политического статуса заключенным ИРА, смогут теперь предотвратить угрожающую голодовку. Однако, взвесив все обстоятельства и приняв во внимание мнение Министра по делам Северной Ирландии, Кабинет пришел к выводу, что общественное мнение в Соединенном Королевстве и за рубежом с большей вероятностью будет симпатизировать Правительству, если они объявят с самого начала, что организуют выдачу всем заключенным Северной Ирландии, соблюдающим общие тюремные правила, набора гражданской одежды не униформенного типа, одновременно вновь заявив, что они ни при каких обстоятельствах не готовы предоставить особый политический статус заключенным ИРА. После того, как позиция Правительства будет четко обозначена, никаких дальнейших уступок предлагаться не должно. Министр по делам Северной Ирландии должен как можно скорее подготовить полное заявление о позиции Правительства.» [5, p. 4] Таким образом, Маргарет Тэтчер понимала, что единственное событие, которое могло остановить беспорядки в Ирландии – это принятие статуса политических заключенных для заключенных членов ИРА. Однако, можно сказать, что правительство Великобритании не могло пойти на этот шаг потому, что это показало слабость британского правительства.

В отчете заседания кабинета министров за 13 ноября 1980 года, мы можем найти упоминание министром по делам Северной Ирландии, что голодовка нашла отклик у населения: «По всей провинции почти ежедневно проходят демонстрации в их поддержку, но пока они остаются немногочисленными и хорошо контролируются полицией.» [6, p. 5] Однако, также он замечает, что существуют и позитивные для правительства тенденции: «Были и некоторые положительные моменты в плане общественных отношений, включая смелую и взвешенную речь г-на Джерри Питта в Палате общин 10 ноября.» [6, p. 5]

Голодовка 1980 года закончилась незначительными послаблениями в тюремных правилах, такие как – увеличение количества писем, отправляемых заключенными, которые участвуют в протесте и возможностью для них, в случае необходимости отбыть домой на так называемый «отпуск» в исключительных случаях, ношения определенной гражданской одежды [7, p. 20] Конечно же, основные требования протестующих не были удовлетворены, но они прекратили свою голодовку.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что протесты в тюрьме Мэйз, как попытка надавить на правительство Великобритании провалились, однако, имели за собой и позитивные результаты, так кабинет Маргарет Тэтчер, прорабатывая пути решения конфликта, выбрал путь частичного согласия и пошел на уступки заключенным, но только в вопросах условий содержания. Правительство Великобритании считало, что уступки в условиях содержания поспособствуют увеличению репутации правительства внутри страны. А привлечение папского престола к решению вопроса, поспособствовало увеличению репутации и на международной арене. Однако, подобные меры, не решили кризисную ситуацию в целом, а только лишь разрешили несколько маленьких проблем для правительства.

Библиографический список

1. European court of human rights case of Ireland vs. the United Kingdom (application № 5310/71) judgment Strasbourg 18 January 1978 [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57506 Дата обращения 16.03.2025
2. L. Whalen, Contemporary Irish Republican Prison Writing. New York City, Palgrave Macmillan, 2008 – 259 p.
3. Peter Taylor, Provos: the IRA and Sinn Fein. London, Bloomsbury Pub Ltd, 1998 – 384 p.
4. The H-Blocks [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://prisonsmemoryarchive.com/pma-for-education/the-h-blocks/ Дата обращения 13.03.2025
5. The National Archives CAB-128-68-13
6. The National Archives CAB-128-68-17
7. The National Archives PREM 19/282
8. Бирюков И.Д. Ольстер: кризис британской империстической политики (1968–1984). М.: Мысль, 1985. 260 с.
9. «Зеленая книга ИРА». – М. Напильник, 2023 – 32 с.
10. Маргарет Тэтчер Автобиография – М., АСТ, 2014. – 800 с.

Сведения об авторе:

Порунов Артемий Владимирович, магистр факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: porunov123@gmail.com

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

УДК 339.9

Д. В. Клименок

Конфуцианское законодательство в имперском Китае

***Аннотация*:** *Конфуцианская этика стала основополагающей для культурного и политического становления Китая в качестве уникальной цивилизации Востока. Именно идеи Конфуция и его последователей повлияли на формирование и развитие как духовной культуры Китая, так и его фундаментальных политических институтов. Перенесение идей конфуцианства в сферу государственного управления создало условия для создания соответствующего конфуцианского законодательства, которое смогло бы защитить конфуцианские ценности от посягательств и построить основанную на строгой иерархии китайского общества и кровнородственных узах систему права. Статья посвящена анализу китайской правовой системы на базе законодательных документов. В исследовании рассматривается влияние конфуцианского учения, и главным образом аспект "заботы о народе" и ориентации его на "семейность", в правовых отношениях в законодательстве разных эпох в Поднебесной, а также на составление, развитие и применение в конкретных законодательных кодексах в Китае.*

Ключевые слова: *Китай, Цин, Тан, Мин, конфуцианство, жэнь, Конфуций, право, фа, легизм, законотворчество, философия, законодательство, обычай, ритуал.*

Klimenok D. V. Confucian legislation in Imperial China

Abstract: *Confucian ethics became fundamental to the cultural and political formation of China as a distinct Eastern civilization. It was the ideas of Confucius and his followers that influenced the shaping and development of both China's spiritual culture and its fundamental political institutions. The transfer of Confucian ideas into the sphere of state governance paved the way for the creation of corresponding Confucian legislation. This legislation was designed to protect Confucian values from encroachment and to establish a legal framework based on the rigid hierarchy of Chinese society and blood relations (kinship ties). The article is devoted to the analysis of Chinese legal system based on legislative documents. The study examines the influence of Confucian teaching mainly the "parental" aspect in legal relations and in the legislation of different eras in the Celestial Empire, as well as on the constitution, development and application of specific legal codes in China.*

Keywords: *China, Qing, Tang, Ming, Confucianism, Ren, Confucius, law, fa, legalism, legislation, philosophy, legal system, custom, ritual.*

В середине первого тысячелетия нашей эры в Китае в силу исторически нестабильной обстановки в регионе зародилось несколько нравственно-философских и политико-правовых школ, претендовавших на право заложить государственно-правовой и нравственный фундамент для объединения страны. В итоге, выделилось конфуцианство, которое ориентировалось на создание идеального в нравственном аспекте государства посредством ритуала, обычая и поддержания традиций, например, культа "предков", впитавшее в себя тенденции других школ, в частности легизма, позволив кодифицировать закон для его точного, порой жестокого, применения и для создания хорошо рабочей бюрократической машины. Конфуций и его последователи внесли огромный вклад для создания морально-этического учения об управлении государством, которое в итоге стало фундаментальным столпом

для китайской цивилизации и способом осмысления дальнейшего культурно-политического развития страны, включая сферы образования, экономики, философии, а также законодательства в качестве базиса правовых отношений в стране.

Сфера китайского права является интересной для изучения, так как она кардинально отличается от европейского права. Так, стоит выделить основные категории китайского права, прежде чем переходить на описания конкретных конфуцианских тенденций в законотворческом процессе традиционного Китая.

Формирование понятия "права" в Китае началось, видимо, во времена Чжоу и Чжаньго, о чём свидетельствуют труды легистов, например, Гуань Чжуна и Шан Яна, а также конфуцианцев: Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, хотя некоторые Шан-Иньские институты, такие как "обоснование власти вана" и "императив высших сил", который вскоре стал мыслиться как сакральные понятия "Небо" и "небесная воля", были позаимствованы у династии Шан. Пока легисты пытались оправдать жестокость закона эффективным управлением и злой природой человека, которого можно обуздать лишь законом, классические конфуцианцы считали закон "фа" рудиментом, который может существовать только у варваров, не имеющих человеколюбия "жэнь" и благодати "дэ", сыновней почтительности "сяо", справедливости "и", уважения "чжун", то есть закон может существовать только у тех народов, которые в силу своей нравственной неполноценности не в состоянии поддерживать порядок на базе моральных предписаний и сохранения традиций, для чего им нужен закон. Зачастую конфуцианцы выступали сторонниками старых порядков и обычаев, имеющих аристократическое или общинное происхождение [3, с. 160], и только после, например, Сюнь-цзы и Дун Чжуншу, решили ввести "фа" в конфуцианскую практику как полноценную категорию права без негативной коннотации [5, с. 205]. Можно сказать, что они стали главными конфуцианскими популяризаторами системы наказаний в древнем Китае.

Само возникновение термина закона "фа", согласно конфуцианскому канону, связано с существованием практики наказаний у племен мяо, которые воспринимались древними китайцами как варвары, неспособными к нравственному совершенству, так как у них отсутствует нравственный китайский кодекс в виде китайских ритуалов "ли" и других особенностей китайской культуры, не говоря уже о языке [8, с.350]. Это довольно много говорит о китайском мировосприятии и китаецентризме, наделявшим китайский народ цивилизаторскими свойствами в противовес остальному миру. Такая концепция есть китайская традиционная, которая появилась ещё до конфуцианства, а потому больше относиться к вопросу китайского культурогенеза, нежели конфуцианства, хотя именно конфуцианство и культивировало в последствие высокий статус Поднебесной как высокой цивилизации [4, с. 239]. Также это говорит о пренебрежении законом как некой варварской практики, но эффективность и практичность закона в последствие оценили высоко.

Несколько затрудняет определение начала правовой традиции в Китае тот факт, что мы не имеем точных полноценных текстов о законотворчестве, но имеем упоминания наказаний на медных треножниках и другой утвари Чжоуского Китая и периода Чжаньго. Само понятие "право" можно обощить иероглифом "син", выступающим в системе "пяти наказаний" - "У-син" (не путать с понятием пяти элементов, имеющих идентичную транскрипцию на русский язык и натурфилософское происхождение) [2, с. 351], а также в легистской системе "наград и наказаний" - "шан син". Согласно признанному конфуцианцами каноническим тексту - "Шу-цзину" -, данный термин обозначает именно наказание, совершаемое путём отрезания конечности или части тела. Это же объясняет термин высшего судьи "Чжан Лу", то есть "ведающий казнями, во времена Чжоу.

Возвращаясь к изначальному вопросу о влиянии конфуцианства, нельзя не отметить, что уже в Чжоу существовали наказания, дифференцирующиеся в зависимости от того, в отношении родственника или чужого был совершен проступок [2, с. 354]. Можно сказать, что это отражение тесной родоплеменной, а после клановой, системы и кровнородственных отношений в древнем Китае, согласно которой, скорее по обычаю, а не из юридической необходимости, закон брал родственников под особую защиту. Причём под родственниками понимался довольно обширный круг лиц, вплоть до целого клана.

Особую роль играет тот факт, что нарушения часто были не юридические, а ритуальные: дело о нарушении семейной целостности и гармонии, хотя реально рассматриваемое дело касается взятки путём выдачи своей дочери замуж, но дело приобретает нравственный окрас и рассматривается не как попытка дать взятку, а как попытка получить выгоду, нарушив семейную традицию, а это уже более тяжелое нарушение, нежели просто взятка [2, с. 355]. Похожие установления и примеры определения нарушения традиций как преступления можно найти во многих древних текстах, на которые в будущем будет опираться конфуцианская доктрина, в частности, в вышеупомянутом "Шу-цзине":"Ван сказал: “Фэн, ненависть — это главное зло, а также отсутствие сыновней почтительности и любви к братьям. [Если] сын небрежен в трауре по своему отцу, [тогда] жертвоприношение [причиняет] сильные страдания душе его покойного… [Мне] жаль этих [людей, но] не я, правящий ими, совершаю [эти] преступления" [8, с. 284].

Отсюда же вытекает коллективная ответственность как основное наказание для провинившихся, независимо от степени вины или невиновности родственников преступника, что, несомненно, говорит о важности семьи для китайского общества, но если в семье появлялся "низкий человек", она попадала под горячую руку правосудия: их могли поработить, казнить, им могли разрушить их семейные храмы, что есть не менее страшное наказание, чем смерть. Одной из причин такой меры наказания является отсутствие точного термина "преступник" [2, с. 363]. Стоит отметить, что такая мера наказания использовалась не только в пенитенциарной системе, но и в системе политической: утрата благодати "дэ" и потеря Небесного Мандата сопровождались коллективной ответственностью целой династии, так как за преступления одного члена семьи, в данном случае правящей династии, согласно философии о "дэ" повинна вся семья, утратившая благодать, что и стало причиной нарушения традиций и пренебрежения к народу.

Услугу конфуцианским законодателям оказали легисты, создавшие полноценную систему круговой поруки и раздела земли в период Чжаньго и унифицировавшие культы, меры весов, законы в Цинь, что пошатнуло традиционные устои общества и вызвало реакцию в виде обращения народа, аристократии и некоторых чиновников и правителей к конфуцианству, которое обещало вновь превратить Поднебесную в большую семью, но отменять все легистские нововведения никто не собирался из-за уже, хотя и не до конца, разложившейся родоплеменной общины и формирования централизованной империи.

Таким образом, ориентированность на кровнородственных связях и нерушимости обычаев предков было основой ещё до появления как конфуцианства, так и легизма, а потому, забегая немного вперед, нужно отметить, что конфуцианство не создало какое-то новое законодательство или новую пенитенциарную систему, но продолжило традиционную для Китая правовую традицию, которую можно описать как "кодифицированное обычное право с конфуцианской надстройкой и легистскими вкраплениями".

Довольно важным стоит выделить влияние древнекитайских натурфилософских концепций и нумерологии, воспринятых конфуцианством ещё во времена Хань. Число "пять" является сакральным и обозначает упорядочивание. "У-син" как пять первоэлементов,

происходящих от "Инь-Ян": дерево, огонь, земля, металл, вода; созвучны с пятью наказаниями, что не может не отражать суть этих наказаний: они являются крайней мерой сохранения гармонии, а потому не могли мыслиться иначе как норма [7, с. 240]. Олицетворяя принцип "человеколюбия" Неба, и сообразно Небу и Земле, наказания за преступления зависели от времени года: весной и летом они смягчались, осенью и зимой – отягощались, чтобы сохранить гармонию.

На этом можно закончить экскурс в Чжоускую правовую традицию и в традицию периода Чжаньго, хотя скорее всё же Чжаньго, так как современная синология склоняется к тому, что система "пяти наказаний" не могла существовать в более ранний период из-за отсутствия упоминаний данного понятия и слабо развитых правовых институтов, существовавших до влияния конфуцианства, и переходить к анализу влияния конфуцианства на законодательные акты Китая.

В эпоху Хань продолжилась юридическая традиция Чжоу и Чжаньго, а также были позаимствованы методы империи Цинь. Ханьский правопорядок также понимался в виде пяти наказаний: нанесении тату, отрезании носа, отрубании ног, кастрации и казни, а начало его, по представлениям конфуцианцев, лежало где-то в глубинных процессах природы, именуемой Небом, которые проявлялись в действии так называемых пяти элементов, о чём говорят труды "школы новых знаков", принятой на официальном уровне в 79 г. н.э. ревизии конфуцианства [2, с. 366], что стало новым этапом эволюции конуфцианской идеологии, так как "школа новых знаков" смело пересматривала положения ортодоксального конфуцианства. К ней относится реформатор Дун Чжуншу, во многом ответственный за внедрение натурфилософских концепций в конфуцианский канон.

Однако важным вопросом для конфуцианских законодателей и судей, в отличие от их предшественников, было исполнение наказание: надо ли казнить или проявить "человеколюбие" и помиловать, чтобы ненароком не навредить невиновному [8, с. 162]? Согласно каноничным текстам конфуцианства: "Лунь Юй", "Шу-цзин" и др. зачастую должен выносится вердикт о помиловании. Как же было на самом деле, трудно сказать наверняка. Есть сведения о казнях, круговой поруки и других жестоких наказаниях, что неудивительно. Но вместе с тем есть сведения о попытках ввести так называемые "символические наказания", как их назвал синолог Р. Кучера, о чём свидетельствует "Хань Шу" на примере событий 167 г. до н.э.:"Отменен закон о телесных наказаниях. Об этом сказано в "Трактате о наказаниях и законах" [1, с. 167]. Там же говорится о наличии наказаний в виде одежды определенных ярких цветов для преступника, чтобы общество идентифицировало его. О подобном законе говорится и во времена царствования У-ди в 134 г. до н.э.

Если верить "Шан шу да-чжуань", большому комментарию к "Шу-цзину", подобные наказания имели смысл для перевоспитания и исправления, что также соотносится с одной из идей конфуцианства: воспитание народа и умиротворение Поднебесной.

Подобные записи о принятии закона о "символических наказаниях" присутствуют на протяжении всей хроники. Стоит отметить, что не только милосердием, или, скорее, "человеколюбием" пестрят данные законы явно конфуцианской направленности, но и имеют ярко выраженную апелляцию к древности, а апелляция к древности есть конфуцианская логическая модель доказательства истинности тех или иных явлений и феноменов. Так или иначе, но чиновники и императоры, готовившие законы и эдикты, скорее всего просто апеллировали к древности, так как были уверены в древнем происхождении тех или иных законов, но нельзя исключать, что это была манипуляция фактами для оправдания ханьской власти и её законодательства, что было не в новинку стране, где лихие годы описывались явлениями трансцендентного характера и знамениями без какой-либо конкретики. Вероятно, "символические

наказания" являлись очень древней формой общественных нетелесных санкций в отношении индивида или семьи, которые дожили до эпохи Ранней Хань и оказались под пристальным взглядом ханьских конфуцианцев как эталон древней пенитенциарной системы, который в силу своей малой эффективности использовался только в редких случаях. Либо все упоминания "символических наказаний", по аналогии с упоминанием знамений в хрониках, являются метафорой к периоду малого количества преступлений и наказаний.

Что же касается реальных наказаний, то особую роль в уголовных наказаниях играл, как и раньше, аспект родственности по отношению к потерпевшему, но теперь оно обрело конкретную форму. Так, нарушение сыновней почтительности "сяо" - строжайшее нарушение конфуцианских правил, было инкорпорированно в законодательную систему Хань: наказание часто зависело от наличия и степени родства, например, за доносы и преступления с угрозой жизни признак родства был отягчающим фактором, когда за другие преступления – смягчающим [5, с. 210]. Сохранялась круговая порука, получившая иную форму: чиновник, рекомендовавший к экзаменам ученика, который вскоре проваливал тестирование, наказывался вместе с учеником. Подобное было возможно лишь потому, что конфуцианская государственная модель Хань буквально развязывала руки бюрократии, давая ей возможность трактовать правила и законы по своему усмотрению, ссылаться на слова Конфуция и человеколюбие, смягчая или отягощая тем самым наказание. Развитие круговой поруки в направлении организаций, коллективов, общин и предприятий в дальнейшем мы увидим в кодексах средневекового Китая и в кодексе Цин, но уже сейчас можем отметить прецедент в виде наказания учителя вместе с учеником.

Также стоит выделить сферу гражданского права в Хань, а именно вопрос о монополиях и торговле. Монополии всегда мыслились конфуцианской частью двора как чистой воды угнетение Поднебесной со стороны государства под науськивания легистов, а торговля традиционно считалась "низким" занятием (хотя легисты не далеко ушли в этом плане от конфуцианцев). Нужно понимать, что во времена ранней Хань всё ещё были живы воспоминания о правлении Цинь Шихуан-ди, когда титулы и земли спокойно скупались богатыми купцами, что нередко происходило и в Хань, а потому для защиты аристократии, которая является естественным сторонником Конфуция, и сельских общин Ли торговцы облагались большими налогами и ограничениями в получении титулов и должностей, у них конфисковалось имущество и земли, им запрещалось носить определенного вида одежды. Из "Хань Шу" мы читаем:"Торговцам запрещено носить парчу, узорно вышитые тонкие шелка, льняные или холщовые полотна и изделия из тканой шерсти; носить оружие и ездить на лошадях, как на колесницах, так и верхом". [1, с. 146]. Таких ограничений было множество, одно из которых даже вызвало знаменитый "спор о соли и железе" между придворными конфуцианцами и легистами в 117 году до н.э., что достаточно говорит об отношении конфуцианских законодателей к торговому сословию.

Напоследок стоит отметить постоянные амнистии по поводу крупных праздников и событий, будь это поклонение к горе Тайшань или интронизация нового императора, которые имеют ни столько конфуцианский, сколько практический характер для поддержания стабильности в стране, однако именно конфуцианцы были ярыми сторонниками проведения амнистий как проявления "человеколюбия" императора по отношению к его подданным. Хотя, надо признать, данные акции вызывали перед важными датами всплеск преступности, так как многие знали о будущей амнистии. К слову, данная практика дожила и до времен династии Цин.

К сожалению, мы не обладаем полноценным кодексом законов Хань, а потому вынуждены брать материалы из других источников. Однако даже так заметно, что конфуцианское законодательство очень сильно зависело от апелляции к древности и даосской по своей

природе концепции пяти элементов "У-син", которые в правовой сфере превратились в пять наказаний. Также стоит отметить, что конфуцианское законодательство Хань за основу взяло традиционную для Китая систему круговой поруки и принцип "сяо", который использовался для трактовки преступлений против родственников как нарушение "сяо" и наказывался строже, нежели обычное преступление той же тяжести. Для настоящего исследования необходимо отметить данные выводы, так как именно эти элементы стали частью конфуцианского законодательства и будут в последствие включены в кодексы последующих династий, которые будут разобраны далее: Тан, Мин и Цин.

Современная синология считает, что окончательное формирование законодательства как гражданского, так и уголовного права на базе конфуцианской этики произошло именно во времена Тан (618-907 гг.), о чём свидетельствует как наличие кодекса Тан, так и его дальнейшее применение последующими династиями.

Переходя к династии Тан, Мин и Цин, можно сразу отметить о наличии в нашем распоряжении законодательных актов и кодексов данных династий. Поэтому следует сразу очертить их схожести, так как, несмотря на смену династий, часть законодательной базы в данных кодексах имеет эксплицитный конфуцианский нарратив, переходящий от одной династии к другой без изменений.

Главным образом это касается вводной части. Так, все три кодекса начинаются со статей:

1. "Пять наказаний";
2. "Десять мерзостей";
3. "Девять обсуждаемых дел" [11, 12, 14].

Данные статьи структурно и по содержанию почти идентичны во всех кодексах, так как являются фундаментальными для правовой системы имперского Китая.

Пять наказаний во всех кодексах представлены такими видами: удары лёгкой палкой, удары тяжелой палкой, обязательные работы, ссылка и казнь [11, 12, 14]. По сути, каждый кодекс только в первой вводной статье уже демонстрировал виды наказаний, положенных провинившимся, что должно было содействовать воспитанию народа и служить превентивной защитой от совершения преступления. Каждое из этих наказаний уже является определенной степенью, но они также имели свои подстепени: количество ударов, годы обязательных работ или ссылки, разные виды казни от наименее мучительных или достойных только мелких преступников вплоть до мучительных и позорных для особо тяжких преступлений. К слову о влиянии конфуцианства, часть этих наказаний основано на книге "Лунь Юй", в которой Конфуций упоминал систему наказаний путём "ударов палкой".

Уже здесь заметно прямое конфуцианское влияния, хотя эти меры наказания в данной части текста прямо не привязаны к конфуцианским ценностям, если не считать сакрального для китайской культуры числа "пять". Однако в комментарии к закону [14, p. 34] есть объяснение данных наказаний как восстановление космического порядка не только в мире, функционирующим посредством пяти элементов "У-син", но и гармонии среди людей по принципу "ли", что должно возродить в них человеколюбие. Сама же ответственность людей за преступления в комментарии объясняется "отношением между отцом и сыном, правителем и подданным", что есть прямая апелляция к Конфуцию. Таким образом, подразумевается, что пять наказаний являются методом воспитания народа и поддержания гармонии аналогично пяти элементам.

Более интересным представляется статья, посвященная "десяти мерзостям", так как они по своей значимости являются "десятью заповедями" в конфуцианской системе ценностей. Они олицетворяли наиболее ужасные нарушения морали, а потому за них были положены строгие санкции. Мерзости во всех кодексах такие:

1. Мятеж;
2. Подстрекательство;
3. Измена стране;
4. Нарушение "сяо";
5. Совершение деяния, противного "дао";
6. Недостаток уважения;
7. Недостаток "сяо";
8. Раздор;
9. Неисполнение долга;
10. Внутренний беспорядок [11, 12, 14].

Стоит рассмотреть каждую "мерзость" отдельно, так как они стали фундаментальными конфуцианскими категориями в китайском законодательстве, а также отражают отдельные статьи кодекса, к которым напрямую привязаны.

Вот что из себя представляют данные статьи:

1. Мятеж является преступлением против страны и династии, что несомненно должно караться пенитенциарной системой. Данные статья, как и все прочие, имеет комментарии и ссылки на конкретные статьи. Она соответствует статьям 277 и 254 в кодексе Мин и в кодексе Цин соответственно, такая же статья существует и в кодексе Тан.

В качестве примера приведём статью из кодекса Мин. Звучит она так: "Во всех случаях заговора с целью мятежа (это означает заговор с целью подвергнуть опасности алтари Земли и Зерна) или большой мятеж (это означает заговор с целью разрушить императорский храм предков, мавзолеи или дворцы), те, кто совместно замышляют данные деяния, должны быть приговорены к смертной казни путем разрезания без различия главных лиц и соучастников. Их дед по отцовской линии, отец, сыновья, сыновья сыновей, братья, те, кто живет в одном доме, независимо от того, отличаются ли их фамилии [от фамилии преступника], дяди по отцовской линии и сыновья братьев, независимо от того, находятся ли они в разных семейных регистрах, и родственники [мужского пола] в возрасте 16 лет и старше, включая тех, кто недееспособен или инвалид, должны быть наказаны обезглавливанием. Их [мужские] родственники 15 лет и моложе, матери, дочери, жены, наложницы, сестры и жены сыновей и наложницы должны быть обращены в рабство в семьи достойных чиновников. Их имущество должно быть конфисковано правительством. Их дочери, которые были помолвлены, могут вернуться к своим мужьям. Их сыновья и сыновья сыновей, которые были усыновлены другими, и их жены, которые были помолвлены, но браки еще не были утверждены, не должны быть наказаны. Те, кто знает обстоятельства и намеренно потворствует действиям или укрывает преступников, должны быть наказаны обезглавливанием. Тем, кто схватит преступников, гражданские должностные должности будут предоставлены гражданским лицам; военные должности будут предоставлены военным; они также будут вознаграждены всем имуществом преступников. Те, кто знает обстоятельства и сообщает о них, чтобы правительство арестовало преступников, будут вознаграждены только имуществом. Те, кто не сообщает, будут наказаны 100 ударами тяжелой палкой и пожизненной ссылкой на 3000 ли" [11, p. 154].

Уже в Мин заметно развиты такие нормы права как гипотеза, деспозиция, то есть поведение субъектов права и санкция. Здесь интересен контекст, который вносят конфуцианские комментарии к данному пункту закона: сам мятеж подразумевает восстание против правителя и алтарей Земли и Зерна, то есть основы хозяйственной жизни и экономики Поднебесной, а также против культа почитаемых божеств и духов [11, p. 18]. Таким образом, подменяется понятие мятежа против власти конкретных людей в виде династии на восстание против самих сил природы и космического естественного порядка, в котором земля находится в ведении императора согласно Мандату Небес. Сам же Сын Неба представляется "родителем" по отношению к своим подданным и "сыном" по отношению к Небу, и логично, что нарушение такой естественной иерархии для конфуцианства есть нарушение "жэнь" и "сяо" одновременно, так как "сын" не должен поднимать оружие против "отца", ответственного за порядок в семье. В комментарии к кодексу Тан в аналогичной статье об этом написано, что "когда спокоен государь – спокойны духи, дающие пропитание" [12, p. 63]. Помимо всего прочего мы видим, что проявляется легистская сущность конфуцианского законодательства, так как именно от легизма были позаимствованы меры "фа-цзя", то есть сама система наград и наказаний, подразумевающая систему выдачи наград за помощь в поимке преступника.

В кодексе Тан данный фрагмент звучит так: "Бунт и преступление против государя наказываются отсечением головы. Отцы и сыновья [преступников] старше 16 лет [подлежат казни] через удушение. [Сыновья], не достигшие 15 лет, а также матери, дочери, жёны, наложницы, деды, внуки, братья, сёстры и их зависимые, имущество, земли и жилища конфискуются в казну. Мужчины, достигшие 80 лет, а также страдающие тяжкими недугами, женщины, достигшие 60 лет, а также являющиеся инвалидами, освобождаются от наказания. Дяди и племянники ссылаются за 3000 ли независимо от того, были ли они внесены в списки населения вместе [с семьёй преступника] [13, p. 250].

Из этого следует, что мятеж воспринимался и наказывался как неподчинение сына – отцу, а подданного – императору, что отражает отношение конфуцианской доктрины к традиционной иерархичной системе сословий и рангов в Китае. Стоит особо выделить факт смягчения наказаний или их полной отмены в силу почтенного возраста или недугов в Тан, а также для не успевших войти в семью "преступников" женщин через замужество в Мин. Хотя кодекс Мин является более строгим, это можно объяснить историческим влиянием монгольских практик наказания династии Юань, но послабления или отмена наказаний свидетельствует о том, что соблюдение нравственных принципов конфуцианства, основанных на обычае, часто стояло выше законов государства, что, в целом, отражает взгляд конфуцианцев на нравственный закон как более высшую ценность, нежели закон динстии, которые меняются от эпохи к эпохе.

Также можно отметить, что сравнение уголовных кодексов династий Тан, Мин и Цин с материалами, относящимися к древности, о которых мы говорили раннее, позволяет выявить, что по мере развития китайского общества в целом и детализации правовых предписаний происходит законодательная фиксация принципа коллективной ответственности и круговой поруки, а также круга лиц, которые должны были нести коллективную ответственность. Ясно определяется, что ответственность перед законом ложится на людей, связанных кровными, территориальными и административными узами, т. е. на родственников, соседей, сослуживцев, чиновников одного учреждения - за своих подчинённых, местных властей — за события на подведомственной им территории и т. п.

2. Что касается "подстрекательства", то, под ним понимается любое деяние против храмов предков Сына Неба, что, несомненно, является таким же неуважением по отношению как к родителям, старшим, так и к Небу, что ведет к хаосу и нарушению мира в стране.

3. К этим двум "мерзостям" присоединяется и следующая за ними "измена стране", подразумевающая присоединение к армии повстанцев, которые всегда были представлены государством как бандиты и, что немаловажно, "низкие люди" – одна из категорий плохих людей в конфуцианстве.

4, "Нарушение "сяо", как следует из названия и используемого в нём термина, есть прямое нарушение конфуцианских догм, закрепившихся в культуре имперского Китая так прочно, что они были инкорпорированы в правовую систему. Само нарушение "сяо" означает "нанесение увечий [ст. 342 кодекса Мин] или создание заговора с целью убийства [ст. 307 кодекса Мин] бабушек и дедушек по отцовской линии, родителей или бабушек и дедушек по отцовской линии или родителей мужа; или убить дядей по отцовской линии или их жен, теток по отцовской линии, старших братьев или сестер, бабушек и дедушек по материнской линии [ст. 341 кодекса Мин] или мужа [ст. 338 кодекса Мин] [11, p. 18].

5. "Совершать действия, противные "дао" означает убийство трех человек одной семьи, которые не совершили преступления, караемого смертной казнью, расчленить людей [статья 175 кодекса Тан, ст. 310 кодекса Мин, ст. 287 кодекса Цин], увечить живых людей [ст. 311 кодекса Мин], изготовить или хранить яды для насекомых или заниматься колдовством [ст. 262 кодекса Тан, ст. 312 кодекса Мин, ст. 288 кодекса Цин]. В самих статьях содержится апелляция к "человеколюбию" и ритуалу как главным принципам взаимоотношений между людьми, однако они же будут нарушены при несоблюдении пути "дао", под которым в данном случае подразумевается отход от моральных норм в виде преступлений против людей и живых существ, но всё-таки акцент именно на преступлении, которое способно разрушить семейные связи, то есть на убийстве трех человек из одной семьи [11, 12, 13, 14].

6. "Недостаток уважения" выражается в нарушении ритуала "ли", как поясняет комментарий к кодексу Тан [12, p. 69]. Очевидно, что нарушение ритуала несёт за собой негативные последствия для стабильности Поднебесной. Конкретно данная "мерзость" подразумевает нарушение или ошибку при выполнении императорских приказов или кражу императорских вещей. Для нас примечательным остаётся кража великих жертвоприношений "Дасы" духам [ст. 280 кодекса Мин], а также нанесение любого вреда или неправильно исполненного обряда, трактуемого как неуважение к предкам и духам [11, p. 18, 12].

7. Недостаток "сяо" является не менее интересным примером конфуцианского законодательства. Это означает обвинять в суде [ст. 345 кодекса Тан, ст. 360 кодекса Мин, ст. 329 кодекса Цин] и накладывать порчу на бабушек и дедушек по отцовской линии, родителей, бабушек и дедушек по отцовской линии или родителей мужа [ст. 264 кодекса Тан, ст. 312 в кодексе Мин] или проклинать их сквернословием; пока бабушки и дедушки по отцовской линии или родители еще живы, устанавливать отдельную семейную регистрацию или разделять имущество [ст. 155 кодекса Тан, ст. 93 кодекса Мин, ст. 87 в кодексе Цин] или не обеспечивать их в достаточной мере; во время траура по родителям устраивать собственный брак [ст. 181 кодекса Тан, ст. 111 кодекса Мин, ст. 105 кодекса Цин], заниматься музыкой [ст. 120 и ст. 383 кодекса Тан, ст. 198 кодекса Мин, ст. 175 кодекса Цин] или снимать траурные одежды и надевать обычную одежду [ст. 120 и ст. 383 кодекса Тан, ст. 198 кодекса мин, ст. 175 кодекса Цин]; узнав о смерти бабушек и дедушек по отцовской линии или родителей, скрывать и не оплакивать смерть [ст. 120 и ст. 383 кодекса Тан, ст. 198, ст. 175 кодекса Цин]; или ложно утверждать, что родители или бабушки по отцовской линии умерли [ст. 120 и ст. 383 кодекса Тан, Статья 198 ст. 175 кодекса Цин] [11, 12, 13, 14].

Данная статья является кладезем нарушений конфуцинской морали. Особенно стоит выделить тему с разделом имущества. Раздел имущества и его продажа, как и земли, были строго фиксированы по уровням родства, а потому глава семьи был не в состоянии продать

имущество тому, кто являлся далеким предком, нежели были живы более близкие. В противном случае требовался формальный ритуал "свидетельства" того, что продающий не пытается обмануть ближнего родственника, а сам ближний родственник не претендует на имущество или землю. Ограничения доходили до того, как и с круговой порукой, что порой разрешалось продавать имущество или землю только соседям по дому или деревне при отсутствии родственников. Разделение имущества шло по завещанию, в котором действовали схожие ограничения. При этом, попытка обойти ограничения приравнивались к "недостатку сыновней почтительности" и человеколюбия "жэнь", а также к нарушению "ли" что вело к соответствующим наказаниям.

8. Раздор означает замышлять убийство [ст. 253 кодекса Тан, ст. 307 кодекса Мин] или продажу [ст. 298 кодекса Мин, ст. 284 кодекса Цин] родственников пятой степени траура или ближе; увечье [ст. 253 кодекса Тан, ст. 338 и 343 кодекса Мин, ст. 317 кодекса Цин] или обвинение в суде [ст. 253 кодекса Тан, ст. 253 кодекса Тан, ст. 360 кодекса Мин ст. 275 кодекса Цин] мужа, старших родственников во время траура [11, 12, 13, 14].

В этом разделе рассматриваются отношения вне системы годичного траура, за исключением отношений жены и мужа. Правонарушения в этой более свободной группе родственников не считаются отсутствием сыновней почтительности, а скорее указывают на разногласия. Поэтому наказания несколько мягче, чем в других случаях.

9. Неисполнение долга есть неисполнение приказов старших или убийство их [11, 12, 13, 14]. В этот раз мы обойдемся без упоминания каждой из статей, отметив лишь тот факт, что данная статья должна была по замыслу законотворцев воспитывать в человеке уважение к старшему как по возрасту, так и по рангу, отводя эту роль соблюдению ритуала.

10. Внутренний беспорядок – это инцест среди родственников четырех ближайших уровней родства, что в комментировании не нуждается, а упоминание конкретных статей снова опустим, чтобы не делать данную статью чересчур объёмной [11, 12, 13, 14].

Как можно заметить, каждое преступление так или иначе зависит от кровнородственной связи, а сами сакральные категории конфуцианства в виде человеколюбия "жэнь", ритуала "ли" и сыновней почтительности "сяо" включены в состав преступлений в каждой соответствующей статье, потеря или нарушение которых должны были расцениваться как акт преступлений, повлекший за собой соответствующее деяние в виде реального проступка. На эти статьи должен был опираться судья или наказывающий (судебные органы часто могли отсутствовать).

Статья "Девять обсуждаемых дел" поясняет, для каких типов должностных лиц, сословий, членов императорской семьи и почитаемых гостей и даже индивидов должны применятся особые правила по рассмотрению дел. Однако эта статья является исключением из системы, в которой существовала круговая порука для родственников, в которой отношения вне семьи определялись в соответствии с положениями в социальной иерархии, увенчанной самим императором. В иерархии, в которой должностные лица стояли выше обычных людей, которые, в свою очередь, были выше лиц, имевших рабский статус, а потому раб, совершивший преступление против своего хозяина, наказывался строже, чем если бы такое же преступление совершил обычный человек. С другой стороны, такое же преступление, совершенное хозяином против своего раба, влекло за собой более низкое наказание, чем такое же преступление, совершенное обычным человеком. Однако "Девять обсуждаемых дел" явно сигнализируют о развитии правового мышления китайцев в Средневековье в пользу индивида, хотя дух коллективизма и остался превалирующим.

Нужно отметить, что в имперском Китае каждое правонарушение рассматривалось чиновниками, либо местными старостами, которые исполняли функцию судьи и выносили

решение по обычному праву, которое могло не соотноситься с правом государственным, что говорит об автономности деревни. Однако, если не удавалось решить проблему внутри деревни, то дело передавалась в центр должностным лицам. Таким образом, ещё со времён Тан судья выступал в качестве эксперта, а иногда и следователя, но его конечной ролью в судебных делах было определение надлежащего наказания за совершенное правонарушение: он должен был установить характер правонарушения, как определено в кодексе, и увеличить или уменьшить соответствующее наказание в зависимости от социальных отношений между правонарушителем и жертвой. Последнее слово оставалось за императором, если дело оказывалось во внимании центральных властей Поднебесной, что затягивало вынесение приговора, а в последствие могло его изменить или вовсе отменить с санкции Сына Неба [10, p. 523]. Такое положение дел оставалось в Китае вплоть до Синьхайской революции 1911 года, а в некоторых регионах и после, поэтому нет необходимости рассматривать данные процедуры чиновнической, следственной и судебной деятельностей в данной сфере.

В итоге, данные статьи являются не просто вводными, а основополагающими для дальнейшего законотворчества трёх династий, так как основаны на китайской правовой традиции, ставившую во главу угла принцип коллективной ответственности и дифференциацию правовоспособности на базе кровного родства и общественного статуса, так и на конфуцианских догмах, культивировавших помимо всего выше сказанного, соблюдение моральных норм общества, основанных на базе инкорпорированных в законодательство конфуцианских добродетелей.

К тому же, все эти кодексы демонстрируют схожесть не только в вводной части, но и в структуре и содержании, отражая саму суть китайского конфуцианского законодательства: его ориентированность на строгое исполнение ритуалов, семейных обязанностей и государственных указов.

Для большей наглядности продемонстрирую таблицы с названиями разделов каждого из трёх кодексов:

Кодекс Тан

Раздел	Название
I	Общие определения и правила
II	Законы, касающиеся прохода в запрещенные места или через них (царские дворцы, городские ворота, стены, погранзаставы)
III	Правонарушения, совершенные должностными лицами при исполнении ими своих служебных обязанностей
IV	Законы о крестьянских семьях (земли, налоги, браки)
V	Законы о государственных конюшнях и складах
VI	Законы о войсках
VII	Преступления против личности и против собственности
VIII	Правонарушения, совершенные в ходе драки
IX	Подделка и контрафакт
X	Различные законы особого характера
XI	Законы о задержании виновных
XII	Законы, касающиеся отправления правосудия

Кодекс Мин и Цин

Раздел	Название
I	Общие определения и правила
II	Правонарушения, совершенные должностными лицами при исполнении ими своих служебных обязанностей
III	Законы о крестьянских семьях (земли, налоги, браки)
IV	Законы о государственных ритуалах и жертвоприношениях
V	Законы о войсках
VI	Преступления против личности и против собственности
VII	Законы о принудительных работах

Схожесть кодексов Мин и Цин, в целом, объясняется прямым заимствованием, когда как кодекс Тан хоть и отличается структурно, по содержанию является основой для будущих законодательных документов в Поднебесной в рамках интеграции конфуцианской идеологии в сферу юриспруденции, а его идентичность в первых трёх статьях с кодексами Мин и Цин и во многих других правовых положения подтверждают данную фундаментальную роль Танского кодекса.

Возвращаясь к вопросу о конфуцианском представлении о праве, надо отметить, что, конечно, уголовное право часто нарушалось чиновниками и правительством, но оно же и исправляло последствия действий нерадивых управленцев. Конфуцианцы, которые считали основной задачей внутренней политики умиротворение народа и Поднебесной, понимали под этим не только "воспитание народа" путём направления его конфуцианской доктриной и его "выправления" законами, но и "заботу о народе", подразумевающую определенную ответственности правительства за нарушение, так сказать, прав народа.

Например, из кодекса Мин: "Во всех случаях, когда должностные лица или служащие в правительственных учреждениях или другие лица, не получив письменных распоряжений от вышестоящих органов, производят сбор имущества в пределах своих территорий для общественной пользы без разрешения, или когда военные офицеры или чиновники, командиры взводов, или командиры отделений производят сбор денег, зерна или специальных наград у солдат, они должны быть наказаны 60 ударами тяжелой палки. Если стоимость имущества приводит к более тяжкому наказанию, они должны быть наказаны как за незаконные товары, полученные путем должностных преступлений" [11, p. 207].

А вот из кодекса Тан: "Всякий раз, когда кому-либо полагалось получить освобождение от налогов и повинностей, а ему не дали, или кому-либо не полагалось получить его, а ему дали, наказание - 2 года каторги" [12, p. 172].

Похожие статьи есть и в кодексе Цин, который, к тому же, разрешал юридическое представительство [10, p. 529] при ограниченных обстоятельствах, если таковым представителем являлся родственник или работник одного учреждения. Такой человек мог даже попробовать побыть "адвокатом" (точнее, попытаться переубедить судью или уговорить того смягчить наказание), но если переубедить судью не удавалось, то "адвокат" наказывался вместе с провинившимся согласно принципу коллективной ответственности. К такого рода "представительству" в целом было негативное отношение, так как есть ритуал и закон, нарушение

которых не отменяет наказаний, если не вышел соответствующий юридический акт или в кодексе уже указаны послабления.

Как можно заметить, закон не защищал от коллективных наказаний чиновников и управителей: в своде законов династии Мин в статье "О необработке земли" говорится: "Староста "ли" наказывается 20 ударами плети, если на подведомственной ему территории беспричинно не обработана 1/10 внесённой в реестры, обложенной налогами и повинностями пахотной земли или же земли, отведённой под тутовые деревья и коноплю. За каждую последующую 1/10 [необработанной земли] наказание усиливается на одну степень, но не может быть больше 80 ударов палки. Уездные чиновники наказываются на одну степень легче. Причём сначала наказывается начальник уезда, а затем его помощники. Владелец земли наказывается 20 ударами плети, если он не обработает 1/5 принадлежащей ему пахотной земли или земли, отведённой под тутовые деревья и коноплю. [За не обработку] каждой последующей 1/5 наказание увеличивается на одну степень. Все налоги, следуемые за прошедшее время, взыскиваются в казну" [11, p. 80].

Здесь видно, что закон пытался защитить народ от посягательств или некомпетентности со стороны вышестоящих чинов, что, несомненно, хорошо для поднятия авторитета конфуцианских норм и династии. Однако он всё ещё был направлен на вынесение наказаний, нежели защиту прав. Вышестоящий в иерархии почти всегда имел иммунитет к той степени наказаний, которая применялась в отношении к нижестоящим рангам и сословиям. Таким образом, поскольку ядром конфуцианства было неравенство, законы, вдохновленные конфуцианством, предлагали защиту нижестоящим сословиям, чтобы гарантировать, что члены императорской семьи, чиновники и знать не будут подвергаться тем же наказаниям, предписанным в уголовном кодексе, как простолюдин. Таким образом, в рамках тогдашних представлений о том, что есть забота, бережное отношение к людям и обязанности народа перед страной, законодатели Китая ухитрялись раз за разом отыскивать некий баланс между реалиями социального строя, которые не совпадали с конфуцианской утопией, и правилами человечности, сформулированными классиками конфуцианства.

В заключение нужно отметить, что, как и любая другая сфера нематериальной и материальной культур традиционного Китая, сфера законодательства была полностью поглощена конфуцианством и апробирована в виде соответствующих законов, отражающих не только наследие древней китайской правовой традиции, основанной на родственных связях и коллективной ответственности за преступления против ритуала, но и главным образом пропагандирующее и защищающее главные добродетели конфуцианства: человеколюбие "жэнь", ритуал "ли", сыновнюю почтительность "сяо", регламентация которых в законе стала цементирующим фактором для создания особой юридической культуры имперского Китая, ориентирующегося на сохранении традиций и поддержание стабильности в стране. Эта система была неидеальна в силу невозможности устранить законы, как того требуют классические труды конфуцианства, но позволила на базе того же, по своей сути, легизма, создать рабочую законодательную систему, просуществовавшую более тысячи лет.

Библиографический список

1. Бань Гу. Хань Шу ("История Хань") в 8 томах. – М. "Восточная литература". Т. 1. 2021.
2. Кучера С. История, культура и право древнего Китая Собрание трудов. - М.: Наталис, 2012.
3. Конфуций. "Лунь Юй" // Ян Хиншун. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
4. Мэн-цзы. "Мэн-цзы" // Ян Хиншун. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 1. - М. "Мысль", 1973.
5. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М. Наука. 1981.

6. Рыбаков В.М. Конфуцианское человеколюбие и уголовное право традиционного Китая // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5.
7. "Чуньцю фаньлу" // Соколов В.В. Антология мировой философии в четырёх томах Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М. «Мысль», 1969.
8. Шу-цзин ("Канон записей"). - СПб. "Нестор-история". 2020.
9. Aaron J. Walayat, Sophia Gao. The Compatibility of Confucianism and Law // Pace Law Review. 2020. Vol. 41.
10. Chenglin Liu. Confucius and the Chinese Legal Tradition // The Digital Commons at St. Mary's University. 2020. Vol. 28.3.
11. The Great Ming Code / Da Ming lu. Asian Law Series. University of Washington Press. 2012.
12. The Tang Code: Volume One: General Principles. Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 1979.
13. The Tang Code: Volume Two: General Principles. Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 1997.
14. The Great Qing Code: A New Translation. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 1994.

Сведения об авторе:

Клименок Денис Витальевич, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: pluton3232@gmail.co

УДК 332.1

Ю. А. Домахина

Проблемы колониального наследия Японской империи на Корейском полуострове (1910-1945): влияние на современные японо-южнокорейские отношения

Аннотация: *В 1910 г. был подписан договор о присоединении Кореи к Японии, в результате чего Корея находилась под властью Японской империи в качестве колонии до 1945 г. Статья посвящена анализу основных проблем колониального прошлого в современных отношениях Японии и РК. Наиболее болезненными темами являются проблемы «женщин для утешения» и принудительного труда, а также территориальный спор вокруг островов Лианкур. Автор приходит к выводу, что исторические проблемы регулярно обостряют японо-южнокорейские отношения, приводя к конфликтам стран в различных сферах.*
Ключевые слова*: Япония, Корея, колониальный период, «женщины для утешения», принудительный труд, территориальный спор.*

Domakhina Yu. A. Problems of the Japanese Empire's Colonial Legacy on the Korean Peninsula (1910-1945): Impact on Modern Japan – South Korea Relations

Abstract: *The agreement on the annexation of Korea to Japan was signed in 1910. As a result, Korea was under the rule of the Japanese Empire as a colony until 1945. The article is devoted to the analysis of the main problems of the colonial past in modern relations between Japan and the ROK. The most painful topics are the problems of "comfort women" and forced labor, as well as territorial disputes over the Liancourt Islands. The author concludes that historical problems regularly aggravate Japanese-South Korean relations and lead to conflicts between the countries in various fields.*
Keywords: *Japan, Korea, colonial period, "comfort women", forced labor, territorial dispute.*

Одной из самых болезненных тем, связанных с колониальным правлением Японии на Корейском полуострове, является проблема «ианфу». Термин «ианфу» состоит из японских иероглифов 慰 安 («иан») – комфорт, утешение и 婦 («фу») – женщина. Так называли женщин, насильно угнанных во период Войны на Тихом океане в японские прифронтовые бордели («станции утешения») для оказания сексуальных услуг солдатам и офицерам императорской армии Японии. Жертвами становились женщины, проживающие на оккупированных Японией территориях. По оценкам историков, на «станциях утешения» удерживалось от 50 до 200 тыс. женщин и совсем юных девушек из Индонезии, Филиппин, Таиланда, Вьетнама, Китая, однако, 80% всех «женщин для утешения» составляли кореянки [10]. Из-за тяжелых условий содержания, пыток и отсутствия квалифицированной медицинской помощи большинство женщин погибло к моменту окончания Второй мировой войны, а выжившие остались с тяжелыми психологическими и физическими травмами.

Тем не менее, в течение долгого времени после окончания войны тема сексуальной эксплуатации на территориях, оккупированных Японской империей, оставалась в тени. Японское правительство не желало вспоминать столь мрачную страницу в истории своей империи, поэтому поначалу отрицало причастность военных императорской армии, утверждая, что это была инициатива частных лиц. В свою очередь, оставшиеся в живых «ианфу» и их семьи, подверженные чувству стыда, также хранили молчание. В результате, тема «женщин для утешения» не представлялась в глазах общественности глобальной проблемой. Корейское общество понимало, что опыт «ианфу» был самым жестоким результатом японской колонизации Кореи, однако, воспринимало его как часть истории.

В 1965 г. был подписан Базовый договор об отношениях Японии и РК, который нормализовал отношения между странами. В соответствии с положениями документа Южная Корея и Япония взаимно отказались от всех финансовых и имущественных претензий, связанных с колониальным периодом, Япония, в свою очередь выплатила южнокорейской стороне около 800 млн долларов в виде субсидий и ссуд с пониженным процентом. Однако договор не учитывал индивидуальные права жертв, пострадавших в период японского колониализма.

Ситуация изменилась в конце 1980-х гг., когда с началом процессов демократизации в РК акцент сместился на патриотическое воспитание населения, а исторические проблемы стали использоваться во внутриполитической повестке [1]. В июне 1990 г. один из членов парламента Японии заявил: «Выяснилось, что «женщины для утешения» в военное время доставлялись частными предпринимателями в места, куда направлялись военные. Даже если бы кто-то провел расследование обстоятельств, это не привело бы ни к каким результатам».

В Республике Корея заявление подверглось резкой критике за отрицание причастности японского государства и вооруженных сил к проблеме «ианфу», а также за отрицание возможности проведения расследования. В октябре 1990 г. 37 южнокорейских женских организаций выступили с заявлением, в котором критиковали действия представителя японского правительства, и предъявили следующие требования: признать, что «женщины для утешения» были увезены насильственно; принести публичные извинения; провести расследование и обнародовать результаты; установить памятник в память о жертвах; выплатить компенсацию пострадавшим или их оставшимся в живых наследникам; разработать в Японии образовательные программы для повышения осведомленности населения о данной проблеме. Месяц спустя был образован Корейский совет по делам женщин, привлечённых Японией к сексуальному рабству в военное время. Организация была неправительственная и существовала за счет пожертвований частных лиц.

Но решающий момент наступил летом 1991 г., когда одна из бывших «ианфу» Ким Хак Сон публично выступила перед публикой со своей историей о том, как в возрасте 17-ти лет была похищена и отправлена на одну из «станций утешения в Китае». Она потребовала от японского правительства взять на себя ответственность за совершенные преступления и выплатить компенсации оставшимся в живых жертвам. Воодушевленные поступком Ким Хак Сон некоторые выжившие жертвы японских милитаристов последовали ее примеру и поделились своими историями.

Это вызвало потрясение в японском обществе: академические круги начали серьезно изучать проблему «ианфу», а заинтересованные граждане создавали движения для поддержки выживших жертв и призывали японское правительство к проведению расследования. В январе 1992 г. профессор японского университета Тюо Ёсими Ёсиаки объявил о существовании документов, подтверждающих причастность японской императорской армии к сексуальной эксплуатации женщин во время войны, которые затем были опубликованы в японской газете Asahi Shimbun [3]. Обнародование информации привлекло внимание к проблеме «ианфу» международного сообщества и побудило японское правительство провести расследование.

В июле 1992 г. главный секретарь Кабинета министров Японии Коичи Като опубликовал заявление, в соответствии с которым японское правительство «признавало свое участие в «создании «станций утешения», контроле за теми, кто нанимал «женщин для утешения», управлении «пунктами утешений» и надзоре за ними, а также в выдаче документов для тех, кто имел отношение к «станциям утешений»». «Правительство хотело бы выразить свои искренние извинения и раскаяние всем тем, кто испытал неописуемые трудности в качестве т. н. «женщин для утех в военное время», независимо от их национальности или места рождения. С глубоким раскаянием и решимостью никогда не допустить повторения подобной ошибки

Япония сохранит свою позицию пацифистской нации и приложит все усилия для построения новых отношений, ориентированных на будущее, с Республикой Корея» – утверждалось в заявлении [7]. Вместе с тем, японские власти признали вину лишь частично, поскольку отрицали причастность императорской армии к принуждению женщин к работе на «станциях утешения». Это вызвало критику активистов и волну протестов в Южной Корее. Токио продолжил расследование, в ходе которого было изучено более 100 документов различных министерств. В августе 1993 г. преемник Като Ёхэй Коно опубликовал заявление, в котором говорилось, что «вербовка «ианфу» осуществлялась в основном частными лицами, которые действовали по просьбе военных. Правительственное расследование показало, что во многих случаях женщины вербовались против их собственной воли, путем уговоров или принуждения. Иногда административный и военный персонал Японии принимал непосредственное участие в вербовке» [12]. Однако японское правительство вновь не взяло на себя полную ответственность, поскольку подтвердило позицию о том, что все вопросы, связанные с «женщинами для утешения» уже были юридически урегулированы Договором между Японией и РК 1965 г.

В 1995 г. правительство Японии создало Фонд азиатских женщин, пытаясь частично решить проблему выплаты компенсаций бывшим «женщинам для утешения». В рамках деятельности фонда предполагалось выплатить экономические компенсации (2 млн иен), отправить письма с извинениями от премьер-министра Японии для каждой жертвы (от имени японского народа, а не официального правительства), предоставить медицинскую и социальную помощь пострадавшим. Поначалу правительство РК положительно отнеслось к данной инициативе, однако, позже поменяло позицию. Все дело в том, что выплаты пострадавшим должны были поступать не от государства, а из частных пожертвований. Тем самым, Япония избегала официальных выплат и юридической ответственности, что вызвало резкую критику со стороны Корейского совета для женщин и активистов, а большинство пострадавших женщин принципиально отказались принимать выплаты, считая их попыткой «откупиться» без настоящего признания вины. В итоге, деятельность фонда была заморожена спустя 2 года, а в 2002 г. фонд полностью остановил работу.

Похожую инициативу японское правительство попыталось реализовать вновь в 2015 г. Тогда Япония и РК достигли соглашения по болезненному вопросу о «женщинах для утешения», в соответствии с которым обе стороны договорились считать вопрос «окончательно и бесповоротно» разрешенным с дипломатической точки зрения. Премьер-министр Синдзо Абэ публично выразил сожаление и принес извинения за страдания женщин, а японское правительство согласилось выделить 1 млрд иен для поддержки выживших жертв через южнокорейский Фонд для примирения и исцеления (Reconciliation and Healing Foundation). В свою очередь, Сеул согласился считать вопрос «окончательно решенным» и пообещал не поднимать тему в международных организациях (например, на полях ООН). Однако Япония не признала прямую юридическую ответственность.

Соглашение подверглось критике со стороны южнокорейских активистов и некоторых жертв, которые посчитали его недостаточным, т. к. Япония не признала прямую юридическую ответственность. Кроме того, бывшие «женщины для утешения» заявили, что их не консультировали при подготовке соглашения. В конечном итоге, пришедший к власти в РК новый президент Мун Чжэ Ин (2017-2022 гг.) заявил, что соглашение имеет «серьезные недостатки» и «не отражает волю жертв» и фактически расторг его. В 2018 г. Южная Корея распустила фонд, вернув Японии неиспользованные деньги.

Таким образом, описанные выше инициативы были компромиссной, но неудачной попыткой Японии «закрыть» исторически болезненный вопрос в японо-южнокорейских отношениях без полного признания ответственности. На сегодняшний день проблема «ианфу»

остается нерешенной и болезненной в отношениях двух стран. Япония пытается поставить точку в этом вопросе, считая его инструментом политического давления и утверждая, что он полностью урегулирован Договором между Японией и РК 1965 г. и Соглашением 2015 г. Сеул в последние годы стремится наладить отношения с Токио, однако общественное мнение оказывает влияние на политику властей. Южнокорейское общество продолжает требовать от японского правительства полного признания ответственности за совершенные преступления и прямых экономических компенсаций.

Другим острым вопросом, связанным с колониальным правлением Японской империи на Корейском полуострове, является тема эксплуатации корейских рабочих японскими компаниями в период Второй мировой войны и проблема выплат за принудительный труд. По данным РК, в военный период около 2-х млн корейцев были вынуждены работать в шахтах и заводах крупных компаниях Японии (таких как Mitsubishi Heavy Industries, Mitsubishi Mining, Mitsubishi Materials, Kawasaki Heavy Industries, Hokkaido Coal and Boat Company, Nippon Steel). Корейцам выплачивалась номинальная заработная плата, но ее половина, предназначенная для семей рабочих в Корее, так и не поступила. Невыплаченная заработная плата после войны хранилась в Банке Японии и так и не была возвращена. Кроме того, пострадавшие заявляли о небезопасных условиях труда, голоде, отсутствии медицинской помощи и побоях [6].

В 1997 г. двое южнокорейских пострадавших подали иск в Японию против Nippon Steel Corporation в связи с использованием принудительного труда в военные годы. Они утверждали, что их наняли по ложному объявлению, не выплачивали причитающуюся заработную плату и подвергали небезопасным условиям труда. Суд низшей инстанции отклонил иск в 2001 г., а Верховный суд Японии отклонил последнюю апелляцию в 2003 г. Суды постановили, что, хотя компания (ранее old Nippon Steel) плохо обращалась с истцами, в настоящее время Nippon Steel не несет ответственности, а требования истцов были погашены в соответствии с Соглашением 1965 г.

С 2001 г. японское правительство повторяет доводы судов Японии в отношении исков потерпевших. Правительство утверждает, что в соответствии со статьей I Договора 1965 г. Япония выплатила южнокорейской стороне 300 млн долларов в виде помощи и 500 млн в качестве займов, таким образом, согласно II статье проблема, касающаяся «претензий» между двумя странами и их гражданами, была решена [8].

Однако потерпевшие, а позже члены их семей продолжили подавать иски, в т.ч. коллективные, против японских компаний, требуя официальных извинений и выплаты прямых компенсаций.

В 2018 г. Верховный суд Кореи обязал две японские компании выплатить финансовую компенсацию членам семей корейских работников за принудительный труд в военное время. Согласно решению суда, компания Mitsubishi Heavy Industries должна выплатить от 100 до 150 млн вон в качестве компенсации каждому из четырех истцов, а компания что Nippon Steel Corp. – по100 млн вон каждому из семи южнокорейских истцов. Японские компании, однако, отказали выплачивать компенсации.

Еще одной исторической проблемой в японо-южнокорейских отношениях является территориальный спор вокруг островов Лианкур (кор. Токто, яп. Такэсима). Острова Лианкур представляют собой группу небольших и каменистых островов, общей площадью 0,20 км2. Острова не пригодны для постоянного проживания, однако, акватория Лианкур богата морскими биологическими ресурсами, а в прилегающих районах находятся значительные запасы природного газа [4].

Острова Лианкур с VI в. входили в состав Кореи и использовались в качестве опорного пункта корейскими рыбаками. В 1905 г. Японская империя заявила о своем суверенитете над

островами и аннексировала их, включив в состав префектуры Симанэ, а спустя 5 лет полностью колонизировала Корею. После капитуляции Японии и завершения Второй мировой войны Япония обязалась признать независимость Кореи и отказывалась от всех корейских территорий согласно Сан-Францисскому мирному договору (1951 г.). Судьба островов Лианкур в документе не упоминалась, что, скорее всего, было связано с их необитаемостью, однако, береговая охрана Южной Кореи разместилась на островах в 1954 г.

Позиция РК состоит в том, что острова Токто не являются предметом территориального спора, поскольку они – неотъемлемая часть территории южнокорейского государства, «с исторической и географической точки зрения, а также в рамках норм международного права». Сеул опирается на решение Верховного Командования оккупационных Союзных сил (SCAP) 1946 г., включившее Лианкур в территории, суверенитет Токио над которыми необходимо приостановить.

На сайте Министерства иностранных дел Японии опубликована информация, согласно которой, острова Такэсима стали частью территории Японии в XVII в., когда японское правительство разрешило рыбакам заниматься промыслом морских ресурсов в этом районе. В соответствии с этим, Токио рассматривает острова Такэсима как «часть японской территории, которую РК оккупировала» [9]. Японская сторона настаивает на том, что острова Такэсима не упоминались в Сан-Францисском мирном договоре и обвиняет РК в незаконном установлении «линии Ли Сын Мана» (черта, которую первый президент РК провел по периметру Корейского полуострова в 1952 г., включив Лианкур в территориальные воды Южной Кореи).

Исторические проблемы в отношениях Японии и Южной Кореи, связанные с колониальным прошлым Японии на Корейском полуострове, продолжают оказывать существенное влияние на современные двусторонние отношения. Несмотря на то, что в диалоге Японии и РК наблюдались периоды позитивного подъема, все чаще их вектор обращался в драматическое прошлое [2].

В 2011 г. южнокорейские активисты в знак протеста против отказа Японии признать ответственность за военные преступления в военные годы установили в Сеуле напротив здания японского посольства Статую мира. Бронзовая статуя изображает молодую корейскую девушку в традиционной одежде, сидящую на стуле. Рядом с ней расположен еще один стул, но пустой, символизирующий погибших жертв. Этот памятник стал не только мемориалом, но и постоянным напоминанием о нерешенных исторических проблемах, вызвав дипломатическую напряженность в отношениях двух стран. Японская сторона выразила протест Сеулу и неоднократно требовала демонтировать статую, называя ее установку «нарушением дипломатического этикета». В соответствии с соглашением 2015 г. южнокорейская сторона заявила, что «правительство РК будет стремиться решить этот вопрос надлежащим образом», однако, затем при Мун Чжэ Ине соглашение было аннулировано, а власти отказались демонтировать статую. В 2017 г. аналогичная статуя была установлена в Пусане, в ответ на это Япония временно отозвала своего посла из РК, прекратила консультации по валютным сделкам и переговоры по экономическим вопросам.

Конфликты между двумя странами разворачивались и на фоне территориально спора вокруг островов Лианкур. В 2005 г. власти японской префектуры Симанэ объявили 22 февраля ежегодным «Днем Такэсима», что вызвало антияпонские настроения и волну протестов в Южной Корее. РК отозвала своего посла из Японии и отменила запланированный визита министра иностранных дел в Токио, заявив, что «Южная Корея не позволит Японии исказить историю и будет отстаивать корейский суверенитет над Токто, даже если это обострит отношения между двумя странами». Вот уже 20 лет Япония отмечает «День Такэсима» каждое 22 февраля, чем вызывает протесты со стороны Сеула.

В 2006 г. Япония направила в район островов 2 корабля береговой охраны для проведения гидрологических работ, в ответ на это Сеул выразил протест и направил патрульные суда для перехвата. Дальнейшего развития конфликта удалось избежать: японская сторона прекратила работы взамен отказа Сеула дать корейские названия подводным скалам в спорном районе.

Новый виток эскалации вокруг спорных территорий последовал в 2008 г., когда министерство образования Японии выпустило пособие для издателей японских учебников и преподавателей, призывающее информировать обучающихся о том, что острова Лианкур являются территорией Японии. Южнокорейская сторона незамедлительно выразила протест и отозвала посла из Токио, а затем провела показательные военно-морские учения вблизи островов. С этого же года в Японии и Южной Кореи начинают выпускать большое количество аналитического материала с аргументацией в пользу каждой стороны по вопросу спорных территорий. В 2012 г. случился новый инцидент: Ли Мен Бак стал первым президентом Южной Кореи, посетившим острова Лианкур, Япония в ответ отозвала своего посла в Сеуле. Еще одни военные учения вблизи островов РК провела в 2019 г., что встретило протест и заявления о «неприемлемой провокации» со стороны Токио.

Наиболее серьезное обострение в японо-южнокорейских отношения произошло после 2018 г. на фоне решений Верховного Суда РК, обязывающих японские компании выплачивать компенсации жертвам принудительного труда. В ответ на это Токио ввел ограничения на экспорт трех ключевых материалов для полупроводниковой промышленности (фтористый полиимид, фоторезисты, фтористый водород) и исключило Южную Корею из «белого списка» стран с упрощенным торговым режимом. В свою очередь, РК также поспешила исключить Японии из «белого списка». Это стало крупнейшим кризисом в двусторонних отношениях за долгие десятилетия. Градус эскалация возрос настолько, что конфликт затронул военную сферу. В 2019 г. Сеул пригрозил прекратить действие Соглашения об обмене военной информацией с Японией (General Security of Military Information Agreement, GSOMIA) и лишь под давлением США согласился «временно приостановить» выход из GSOMIA.

Следует отметить, что на градус напряженности в японо-южнокорейских отношений оказывал влияние и политический курс руководства. Например, для администраций Хосокава Морихиро (1993-1994 гг.) и Мураяма Томиити (1994-1996 гг.) было характерно проведение т. н. «дипломатии извинений» за проблемы исторического прошлого. 15 августа 1995 г. Т. Мураяма выступил с речью в честь 50-летней годовщины окончания Второй мировой войны, в которой принес извинения за «колониальное правление и агрессию Японии», причинившие «огромный ущерб и страдания народам многих стран, особенно представителям Азии» [11]. Такая позиция подвергается критике со стороны правоконсервативных сил Японии, считающих, что «политика извинений» наносит вред японскому имиджу за рубежом и ведет к политизации исторических проблем. Яркий тому пример – политический курс премьер-министра Абэ Синдзо (2006-2007 гг., 2012-2020 гг.), который подвергал сомнению свидетельства бывших «женщин для утешения» и считал, что РК «злоупотребляет вопросами исторического прошлого». Выступая в 2015 г. по случаю 70-летия завершения войны Абэ избегал прямых личных извинений и делал акцент на том, что «будущие поколения не должны извиняться бесконечно за действия Японии в военное время», а также подчеркнул, что «Япония уже неоднократно выражала сожаление и хочет двигаться дальше» [5].

Различные взгляды наблюдались и среди южнокорейского руководства. Так, президент Мун Чжэ Ин (2017-2022 гг.) занимал жесткую и принципиальную позицию по вопросам исторического наследия японского колониализма. Он сравнивал действия Японии в военной период с «преступлениями против человечности», требовал от Токио признания

ответственности и выплаты компенсаций, а также поддерживал культурные проекты, посвященные жертвам японского колониализма. Именно при Мун Чжэ Ине произошел глубокий кризис в японо-южнокорейских отношениях. Его преемник Юн Сок Ёль (2022-2025 гг.), напротив, занял в отношении Токио более примирительный и прагматичный подход, считая, что исторические проблемы не должны мешать развитию двусторонних отношений. В марте 2023 г. администрация Юн Сок Ёля предложила альтернативный механизм компенсаций жертвам принудительного труда без прямого участия японских компаний, за счет выплат южнокорейских частных предприятий. Япония выразила поддержку данной инициативе (при этом вновь не признала свою ответственность), а общественность раскритиковала решение. Таким образом, при Юн Сок Ёле в отношениях РК и Японии наметился позитивный сдвиг, однако, рейтинг президента в Южной Корее значительно понизился, в то время как антияпонские настроения в южнокорейском обществе возросли.

Проблемы колониального наследия Японии на Корейском полуострове, несмотря на попытки их урегулирования, продолжают оставаться камнем преткновения в отношениях двух стран. Перспектива их разрешения в ближайшем будущем маловероятна, поскольку для этого потребуются серьезные уступки, на которые ни одна из сторон пойти не готова. На сегодняшний день наиболее оптимальным вариантом, который позволит избежать нового витка эскалации в японо-южнокорейских отношениях, представляется поиск баланса между «исторической памятью и прагматизмом» и взаимные символические компромиссы.

Библиографический список

1. Гришачев С.В. Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения // Японские исследования. 2024. №2. С 41–55.
2. 2. Кистанов В. О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33-48.
3. 3. Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Роль неправительственных организаций в решении проблемы «Станций утешения» на примере корейского совета по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время. Современные востоковедческие исследования. 2020; 2(1). С. 71–79.
4. 4. Севастьянов С.В., Кравчук А.А. Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения // Известия Восточного института. 2017. №4 (36).
5. 5. Abiru T. Abe’s 70th Anniversary Statement: Historical Realism, not Revisionism. [Электронный ресурс]. Valdai Discussion Club. September 3, 2015. URL:https://valdaiclub.com/a/highlights/abe_s_70th_anniversary_statement_historical_realism_not_revisionism_1d9/?ysclid=mc29bvpdy156024194 (дата обращения 14.06.2025)
6. 6. Cho Ki-weon. Around 2 mil. Koreans conscripted to labor from 1939 to 1945 // The Hankyoreh. October 31, 2018.
7. 7. Issues regarding History Statement by Chief Cabinet Secretary Koichi Kato on the Issue of the so-called "Wartime Comfort Women" from the Korean Peninsula. Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. 1992. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000346.html (дата обращения 05.06.2025)
8. 8. Ju J. The Japan-Korea Dispute over the 1965 Agreement. The Diplomat. October 23, 2020.
9. 9. Ministry of Foreign Affairs of Japan (外務省). [Электронный ресурс]. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia -paci/takeshima/index.html (Дата обращения 15.06.2025)
10. 10. Orreill K. Who are the Ianfu (Comfort Women)? New Voices in Japanese Studies. 2008. P. 128–152.

11. 11. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End, August 15, 1995. Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html(дата обращения: 10.06.2025)
12. 12. Statement by the Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women". Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. 1993. URL: https://web.archive.org/web/20140709022903/http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html (дата обращения 06.06.2025).

Сведения об авторе:

Домахина Юлия Андреевна, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН, e-mail: domakhina_julia@mail.ru

УДК 327

В.П. Егорова

Китайская модель гуманитарного сотрудничества в регионе Индийского океана

***Аннотация*:** *Еще не так давно у Пекина не было четкой и внятной стратегии в регионе Индийского океана, а его геополитическое значение для Китая часто недооценивалось и редко становилось предметом глубокого анализа. Однако с запуском инициативы «Пояс и Путь» подход Китая кардинально изменился. Данная работа посвящена анализу модели гуманитарного сотрудничества Китая в регионе Индийского океана как инструмента мягкой силы и геополитического влияния. Исследование охватывает ключевые аспекты инициативы Китая, включая проекты по оказанию помощи при стихийных бедствиях и специальные гуманитарные проекты. Особое внимание уделяется эффективности этих программ, тому, как их воспринимают страны региона, а также вызовам, связанным с потенциальными геополитическими мотивами. Рассматриваются основные механизмы, инструменты и приоритеты Китая в области гуманитарного сотрудничества. На основе анализа конкретных инициатив в Кении, Сомали, Бангладеш и Мьянме были сделаны выводы об эффективности китайской модели и ее влиянии на региональную стабильность и баланс сил. На основе общедоступных источников СМИ, официальных документов и соглашений была отслежена динамика гуманистической стратегии Китая, оценено влияние этой модели и выявлены основные геополитические мотивы.*

Ключевые слова: *Китай, Индийский океан, гуманитарная помощь, сотрудничество, стратегия, Белая книга, Пояс и Путь.*

Egorova V.P. China's model of humanitarian cooperation in the Indian ocean region

Abstract: *Not long ago, Beijing lacked a clear and coherent strategy in the Indian Ocean region, and its geopolitical significance for China was often underestimated and rarely subjected to in-depth analysis. However, with the launch of the Belt and Road Initiative, China's approach has fundamentally changed. This study is devoted to analyzing China's model of humanitarian cooperation in the Indian Ocean region as a tool of soft power and geopolitical influence. The research covers key aspects of China's initiative, including disaster relief projects and special humanitarian programs. Particular attention is paid to the effectiveness of these programs, their perception by regional countries, and the challenges associated with potential geopolitical motives. The main mechanisms, tools, and priorities of China's humanitarian cooperation are examined. Based on the analysis of specific initiatives in Kenya, Somalia, Bangladesh, and Myanmar, conclusions were drawn about the effectiveness of the Chinese model and its impact on regional stability and the balance of power. Using publicly available media sources, official documents, and agreements, the dynamics of China's humanistic strategy were traced, the influence of this model was assessed, and the main geopolitical motives were identified.*

Keywords: *China, Indian Ocean, humanitarian aid, cooperation, strategy, White Paper, Belt and Road.*

Индийский океан играет ключевую роль в китайской инициативе «Морской Шелковый путь XXI века», являющейся основной составляющей концепции «Пояс и Путь». На регион приходится 80% импорта энергоносителей в Китай, и он играет важную роль в торговой деятельности страны, что делает его стратегически и экономически важным. За последние три десятилетия активизировалась китайская инвестиционная и строительная деятельность в Индийском океане. На этом фоне строительство портов стало приоритетным направлением для стратегических, экономических и политических инвестиций Китая. С момента объявления инициативы в индоокеанском бассейне было основано 17 портов, в которых в той или иной степени задействована китайская сторона. Это участие варьируется от крупномасштабных проектов, таких как глубоководные порты в Гвадаре (Пакистан) и Ламу (Кения), до строительства небольших терминалов, таких как животноводческий терминал в Порт-Судане (Судан). Китай принимает непосредственное участие в строительстве 13 из вышеперечисленных портов через государственные компании, заключившие контракты на строительство портов и сопутствующей инфраструктуры. [4, с. 39] Исходя из

этого Китаю необходимо поддерживать имидж надежного и заинтересованного игрока в регионе.

В последние годы масштабы китайской гуманитарной помощи расширяются, а ее роль в международной системе становится все более очевидной, что вызывает широкую обеспокоенность и споры в международном сообществе. Являясь важной частью внешней политики Китая, гуманитарная помощь имеет свои особенности реализации. Исследование внешней политики Китая в Индийском океане в основном сосредоточены на изучении экономической составляющей и не уделяют особого внимания вопросам гуманитарного сотрудничества. Учитывая растущую роль Китая в жизни государств Индийского океана, Пекин привлекает к себе все большее внимание своими политико-дипломатическими инициативами в регионе. Китай использует все свои инструменты влияния в морской сфере и объединяет их для достижения своих национальных целей. Под руководством Си Цзиньпина Китай играет активную роль в формировании внешней среды страны, частью которой является «Морской Шелковый путь». С этой точки зрения современной китайской внешней политики новый азиатский порядок определяется не столько событиями в Восточной Азии, сколько борьбой за влияние в Индийском океане, одним из центров Мирового океана.

Гуманитарная помощь относится к форме взаимодействия, при которой помогающая сторона берет на себя инициативу по предоставлению материалов для оказания помощи, денежных переводов или отправки спасательного персонала в случае различных крупных стихийных бедствий или гуманитарных катастроф в соответствующих странах и регионах с целью сокращения числа жертв в зоне бедствия. В последние годы гуманитарная помощь Китая зарубежным странам привлекает широкое внимание международного сообщества и вызывает ожесточенные споры в различных областях, что обусловлено усилением международного влияния Китая, расширением масштабов помощи и его все более заметной ролью в мировом пространстве. В целом, эффективная гуманитарная помощь китайского правительства была признана и высоко оценена международным сообществом, но она также подверглась нападкам со стороны некоторых западных СМИ, обвиняющих Китай в наращивании военного присутствия в регионе. [2, с. 206] В связи с развитием гуманитарной политики Китаем, зарубежные страны, в особенности США, Индия и Япония, стали проявлять настороженность и подозревать Китай в стремление занять лидирующие позиции на море. Стратегия, именуемая «Нитью жемчуга» («String of Pearls»), является одной из ключевых концепций в отношении Китая, названной так США в 2004 году. Данная концепция описывает растущее геополитическое влияние Китая посредством усилий по расширению доступа к портам и аэродромам, развитию особых дипломатических отношений, модернизации вооруженных сил, увеличению импорта энергоносителей и возможностей контроля над водами в регионе, которые простираются от Южно-Китайского моря до Индийского океана. [5, с. 163] Опасения американской стороны в отношении концепции «Нить жемчуга» не нашли отклика с китайской стороны, которая утверждала, что возросшая деятельность страны в бассейне Индийского океана заключалась в том, чтобы в достаточной степени защитить свою растущую экономику, связанную с торговлей на море. Подход китайского правительства заключался прежде всего в том, чтобы избежать неправильного восприятия соседними странами намерений Китая, пытающегося стать доминирующей державой в регионе.

После более чем трех десятилетий экономического роста Китай теперь ясно осознает свой статус региональной державы и поэтому вносит соответствующие изменения в политику. Официальные лица все чаще стремятся «включиться в международный процесс», а это означает, что Китай хочет усилить свою глобальную роль через стратегию мягкой силы, тем самым проложив путь к гегемонии. Одним из аспектов мягкой силы Китая является его косвенное,

но все более активное участие в миротворческих операциях и гуманитарной помощи, не нарушая при этом «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая. [10, p. 484] Так, гуманитарное сотрудничество является неотъемлемой и важной частью внешней политики Китая. Концепция такого взаимодействия согласуется с концепцией помощи в целях развития, однако их принципы и методы отличаются.

Китайское правительство не только усердно работает над повышением уровня жизни людей, но и очень обеспокоено проблемой защиты прав человека в международном сообществе. На протяжении многих лет КНР оказывает гуманитарную помощь странам-получателям. Согласно «Белой книге» «Развитие прав человека в Китае и прогресс за 40 лет реформ и открытости», опубликованной Информационным бюро Госсовета КНР 12 декабря 2018 года, только с 2004 года Китай предоставил более 300 международных гуманитарных услуг, при этом среднегодовой темп роста составляет почти 30%. [1] В «Белой книге» упоминается, что в первые дни реформ и открытости гуманитарная помощь Китая в основном включала поддержку развивающихся стран в борьбе с крупными стихийными бедствиями, включая оказание экстренной помощи большому количеству африканских стран, пострадавших от сильной засухи, Бангладеш и других стран, пострадавших от серьезных стихийных бедствий. С 2001 года Китай постепенно расширяет свое участие в международной системе гуманитарной помощи и активно участвует в деятельности по оказанию международной гуманитарной помощи, осуществляемой учреждениями Организации Объединенных Наций.

В конце 2017 – начале 2018 гг. Кения пережила масштабную общенациональную засуху. В феврале 2018 года президент Кении объявил затяжную засуху «национальным бедствием», заявив, что 2,5 миллиона человек остро нуждаются в продовольственной помощи. По просьбе правительства Кении 27 марта китайское правительство подписало соглашение об обмене нотами об оказании чрезвычайной гуманитарной помощи Кении. [8] Согласно обмену письмами, Китай пообещал предоставить Кении более 20 000 тонн товаров первой необходимости. Продовольствие, которое обошлось примерно в 150 миллионов долларов, помогло обеспечить ежемесячными продовольственными пайками около 1,3 миллиона человек, пострадавших от стихийного бедствия. [6, с. 65-66] Однако даже спустя временя волны нестабильности одна за одной продолжались. Кения пережила такие катастрофические события, как сильные наводнения и обрушения плотин, в результате которых почти 300 000 человек остались без крова. Чтобы помочь кенийскому правительству справиться с наводнениями, китайское правительство приняло решение вновь оказать чрезвычайную гуманитарную помощь Кении.

Кроме того, в 2018 году пострадавшая от засухи Сомали несколько раз получала гуманитарную помощь от китайского правительства, в том числе палатки, противомоскитные сетки и резервуары для хранения воды. Официальный представитель Сомали на церемонии передачи гуманитарной помощи заявил, что всякий раз, когда Сомали сталкивается с трудностями, Китай оказывает ценную поддержку и бескорыстную помощь, что отражает глубокую дружбу между двумя народами и назвал Китай «настоящим другом» и «хорошим партнером». [7]

Еще одна страна в Индийском океане неоднократно становилась объектом китайских гуманитарных миссий. Политика Мьянмы в отношении климата и политического кризиса подверглась критике со стороны международного сообщества. Заметным исключением является Китай, который всегда поддерживал политический курс Мьянмы. Первым серьезным климатическим явлением XXI века стал циклон «Наргис», который обрушился на Мьянму в 2008 году и стал одним из самых смертоносных циклонов в регионе. Штормы категории 4 нанесли значительный ущерб. По официальным данным, погибло 146 000 человек, хотя многие

считают, что число погибших намного выше. [3, с. 392] Помимо этого, 2,4 миллиона человек серьезно пострадали, и около 800 000 были вынуждены покинуть свои дома. Циклон считается самым разрушительным за всю историю наблюдений в регионе, ущерб от него оценивается в 4-10 миллиардов долларов. Несмотря на эти разрушительные последствия, правительственные генералы первоначально отказывались принимать иностранную гуманитарную помощь, отказывались выдавать въездные визы гуманитарным организациям и персоналу, а также не позволяли иностранным торговым и военным судам с гуманитарной помощью пришвартовываться и доставлять грузы в течение первых трех недель после циклона. Тем не менее, Китай является одной из немногих стран, которые успешно оказали гуманитарную помощь Мьянме. [11, p. 112-113.]

Отдельно стоит упомянуть инициативу Китая под названием «Ковчег Мира», ставшую элементом мягкой силы. Специально построенный в Китае госпитальный корабль «Дайшаньдао» (Дайшаньдао хао 岱山岛号) «Аньвэй» / «Ковчег мира» (АНН 866) водоизмещением 10 000 тонн в 2008 году отправился в своё первое международное плавание, которое, как сообщалось, будет ежегодным для проведения гуманитарных операций на Ближнем Востоке и в Африке. Корабль «Ковчег Мира» 31 августа 2010 года покинул порт Чжоушань в провинции Чжэцзян с экипажем из 428 солдат, офицеров и медицинских работников для выполнения 87-дневной миссии по оказанию медицинских услуг офицерам и солдатам других стран, участвующим в борьбе с пиратством в Аденском заливе, а также оказанию медицинской помощи местному населению и осуществлению медицинского обмена в Джибути, Кении, Танзании, Сейшельских островах и Бангладеш. [9] Подобная инициатива стала чрезвычайно позитивным вкладом Китая в региональную безопасность и продемонстрировала растущий потенциал Пекина как участника морских перевозок в Индийском океане, подтвердила намерения Китая закрепиться в регионе. На 2024–2025 год китайский гуманитарный и госпитальный корабль «Дайшаньдао» продолжает активно участвовать в международных миссиях, сочетая медицинскую помощь, гуманитарные операции и военную дипломатию. В 2023–2024 годах корабль посещал страны Юго-Восточной Азии, такие как Индонезия и Восточный Тимор, а также африканские государства, включая Танзанию и Мозамбик, где местное население получило доступ к высококвалифицированной медицинской помощи. В это же время «Ковчег мира» участвовал в помощи Турции и Сирии после разрушительных землетрясений.

Китай использует гуманитарную помощь и кризисное урегулирование в странах Индийского океана как инструмент мягкой силы, что соответствует статусу великой державы. В случае с помощью Бангладеш, Мьянме, Кении и Сомали мы видим высокий уровень заинтересованности китайского руководства в расширении своего влияния в регионе Индийского океана. Проведенный анализ показывает, что данная модель гуманитарного содействия не только способствует решению глобальных проблем, но и способствует укреплению дипломатических отношений и формированию положительного образа Китая. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что китайская модель гуманитарного сотрудничества в регионе является стратегическим инструментом реализации китайской внешней политики, сочетающим элементы мягкой силы с долгосрочными экономическими и геополитическими интересами. В рамках инициативы «Пояс и Путь» Пекин расширяет свое влияние посредством медицинской помощи и поддержки в преодолении кризисов. Рассмотренные политические действия сразу в нескольких государствах демонстрируют особую важность Индийского океана во внешнеполитических доктринах КНР.

Библиографический список

1. Гай Гэ Кай Фан 40 Нянь Чжун Го Жэнь Цюань Ши Е Дэ Фа Чжань Цзинь Бу [改革开放 40 年中国人权事业的发展进步] [Электронный ресурс] // Веб-сайт Государственного Совета КНР. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-12/12/content_5347961.htm (дата обращения: 15.06.2025).
2. Кашин В. Б., Королев А. С., Пятачкова А. С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2017. – № 22. – С. 204–218.
3. Кочетков Д. С. Мьянма: тяжкий путь от Китая к Китаю // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. – № 1 (46). – С. 390–405.
4. Лебедева Н. Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП vs индийские проекты «Mausam», «Spice Road», «Sagar mala» и «cotton routes» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2015. – № 26. – С. 26–56.
5. Ли Гуаньцюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, 2011. – №4. – С. 163-174.
6. Мардашев А. А. Помощь КНР странам Африки // Вестник МГИМО, 2012. – № 2. – С. 59–69.
7. Китай предоставил Сомали гуманитарную помощь [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. – URL: https://russian.people.com.cn/n3/2018/0126/c31520-9420060.html (дата обращения: 15.06.2025).
8. Chinese community donate 144 tonnes of food aid to Kenya's drought victims [Электронный ресурс] // Xinhua. – URL: http://www.xinhuanet.com//english/2017-04/09/c_136194156.htm (дата обращения: 15.06.2025).
9. Erickson, A., Collins, G. Oversea Trumps Overland: The Strategic Trajectory of China’s Oil Imports [Электронный ресурс] // China Sign Post (洞察中国). – URL: https://www.chinasignpost.com/2010/11/06/oversea-trumps-overland-chinas-oil-supply-future-is-maritime/ (дата обращения: 15.06.2025).
10. Holliday, I. Beijing and the Myanmar problem // The Pacific Review, 2009. – Vol. 22, No. 4. – P. 479–500.
11. Lee, P., Chan, G., Chan, L. China’s «Realpolitik» Engagement with Myanmar // China Security, 2009. – Vol. 5, No. 1. – P. 105–126.

Сведения об авторе:

Егорова Вероника Павловна, студент 4 курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: veronika.egorova015@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94

А. Д. Наумцева

Система функционирования детских домов, программы патроната и опеки в СССР в начале 1920-х гг.

Аннотация: *Исследования состоит в раскрытии процесса становления и деятельности учреждений и общественных организаций по борьбе с детской беспризорностью в первые годы советской власти. В работе рассматриваются основные направления государственной политики в области борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. Процесс зарождения и развития сети детских учреждений для социального воспитания (детские дома, коммуны, трудовые колонии). В статье происходит анализ реальной практики, включая быт детских домов, условия жизни, питание, воспитание, патронат и усыновление, как государство и общество решали проблему сиротства и беспризорничества. Особое внимание уделено важным документам, позволившим выявить этапы государственной политики и меры борьбы в области беспризорного детства.*
Ключевые слова: *Беспризорность, детские дома, патронат, коллективизм, коммуны.*

Naumtseva A. D. The System of Functioning of Orphanages, Patronage Programs and Foster Families in the USSR in the early 1920-s.

Abstract: *The research consists in revealing the process of formation and activities of institutions and public organizations to combat child homelessness in the early years of Soviet power. The work considers the main directions of state policy in the field of combating homelessness and neglect. The process of origin and development of the network of children's institutions for social education (orphanages, communes, labor colonies). The article analyzes the real practice, including the life of orphanages, living conditions, food, education, foster care and adoption, how the state and society solved the problem of orphanhood and homelessness. Particular attention is paid to important documents that revealed the stages of state policy and measures of struggle in the field of street children.*
Keywords: *Homelessness, orphanages, patronage, collectivism, communes.*

Беспризорность в первые годы советской власти стала одной из самых острых социальных катастроф, порожденных чередой исторических потрясений. К началу 1920-х годов миллионы детей оказались выброшены на улицу, превратившись в "гидру", с которой молодое государство боролось долгие годы.

Основным методом борьбы с беспризорностью стало помещение детей и подростков в интернатные учреждения. В срочном порядке по всей стране была создана масштабная система детских домов.

Одновременно организовывались специальные приемно-распределительные пункты, выполнявшие несколько важных функций: оказание первичной медицинской и социальной помощи беспризорникам, их психологическая адаптация и последующее распределение по стационарным воспитательным учреждениям. В этих пунктах дети находились под постоянным медицинским и педагогическим контролем в течение 3-4 месяцев, после чего их либо

определяли в детские дома, либо устраивали на работу, а в некоторых случаях возвращали родственникам.

Параллельно велась активная внешкольная работа: беспризорников стремились заинтересовать учебой, привлекали к участию в кружках и творческой самодеятельности. Особое внимание уделялось помощи одиноким матерям - для них создавались специальные общежития и выделялась материальная поддержка [4, с. 45].

Со временем стали организовываться детские дома для детей школьного и дошкольного возраста, а также специализированные — для умственно отсталых детей.

Исходя из Устава детского дома, принятого в 1921 г., в детские дома могли приниматься дети с 3-х до 16 лет [5, с. 7]. Для детей 3 – 7 лет предназначались дошкольные детские дома, с 7 до 16 – школьные, для детей от 13 до 16 лет иногда устраивались подростковые детские дома. Намного реже встречались смешанные учреждения данного типа для детей всех возрастов. Что касается совсем маленьких детей – до 3-х лет, то для них создавались дома ребенка, находившиеся не в ведении Наркомпроса, как остальные детские дома, а в ведении отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава. Кроме возраста находившихся в них детей, детские дома различались по способу функционирования – дома-коммуны, колонии; выделялись также учреждения для физически и умственно дефективных детей, для детей-правонарушителей. Воспитание в детских домах предполагалось осуществлять на основе “принципов коллективизма и организации трудовых процессов”. Чтобы устранить изолированность данных учреждений, их воспитанники должны были обучаться в общих районных школах.

Для более четкой и слаженной работы детских домов создавался также ряд вспомогательных учреждений, прежде всего приемников и распределителей. Приемник был местом оказания первой помощи, неким карантинным пунктом, откуда дети направлялись в распределитель. Там они находились более длительное время, адаптировались к новым условиям жизни и, кроме того, изучались специалистами для правильного подбора дальнейшего детского учреждения. Похожую роль осуществляли и так называемые медико-педагогические учреждения - изоляторы, в которые помещали детей с определенными психическими отклонениями для изучения, лечения их и отправления впоследствии либо в детские дома для нормальных детей, либо в учреждения для “морально-дефективных”, либо в лечебно-оздоровительные учреждения.

Кроме названных, к особому типу детских учреждений следует отнести ночлежки для беспризорных детей. Их отличительной чертой являлась добровольность прихода и возможность свободного ухода детей. Ночлежки выполняли роль своеобразного переходного к детскому дому звена для “наиболее запущенной группы беспризорных, избегающих детские учреждения”. В задачи ночлежек входило не только некоторое материальное обеспечение, но и приучение детей к труду, коллективной жизни. Действовал “метод естественных последствий”: “кто не работает в доме дневного пребывания, тот не ест; кто нарушает установленный режим, подлежит удалению” из ночлежки [5, с. 7].

Конечно, было много трудностей. Многие детские дома в 1920-е годы существовали в условиях хронической нехватки еды, одежды и медикаментов. Материальное обеспечение часто зависело от инициативности руководства и спонсорской помощи.

Перегруженность, количество беспризорников превышало возможности детских домов, что приводило к переполнению учреждений. «Детские дома, рассчитанные на 50 детей, брали и 150, и 200 — не выбрасывать же ребёнка на улицу! Они спали по 6—8 человек на одной кровати, ели из консервных банок, руками. Не было даже тряпья на обмотки: ходили босиком, обмораживали ноги» [1, с. 7].

Не хватало квалифицированных воспитателей и учителей. Многие сотрудники детских домов имели слабую педагогическую подготовку.

Трудности возникали и в социализации. Воспитанники детских домов, выходя во взрослую жизнь, нередко сталкивались с трудностями в социальной адаптации, поскольку не всегда получали достаточно навыков для самостоятельной жизни.

Воспитательная модель строилась на принципах коллективизма. Детей учили работать и жить в коллективе, подчёркивая важность общественных интересов над личными. Средства на борьбу с детской беспризорностью в то время составлялись из ассигнований государственного и местного бюджетов. Дзержинский понимал, что такого сотрудничества недостаточно. Он предложил организовать какое-либо "акционерное товарищество, как источник помощи детям". Так появилось товарищество "Ларёк", занимавшееся розничной продажей "табачных изделий и спичек". Идею предложил Госбанк. Впечатляет список участников: Деткомиссия ВЦИК, Главсельпром, Моссельпром и Госбанк. Со временем образовалась целая система производственных и торговых предприятий при ВЦИК с отделениями в нескольких городах республики. Работали и приносили неплохой доход фабрика металлической арматуры им. Скворцова-Степанова, фабрики "Утильбюро" и "Арматуркровать", Ватно-обтирочная фабрика им. Сакко и Ванцетти и Кистевязальная. Хороший оборот имел столичный "Комиссионный магазин" на Петровке, 10, и, надо понимать, не сидели без работы сотрудники косметической лаборатории с загадочным названием "Универпочт" [6, с. 109]. Эти предприятия обеспечивали работой более тысячи людей и приглашали в ученики подростков из детских домов и трудовых коммун. Сотни ребят получили специальность и неплохо зарабатывали.

Перед детскими домами была поставлена вполне конкретная задача: «дать воспитанникам общее политехническое образование и практические трудовые навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности» [2, с. 60]. Поэтому при детдомах было устроено более тысячи мастерских. Дзержинский считал необходимым прикрепить детские дома, садики и школы к промышленным предприятиям, советским и военным учреждениям, — так появились шефы. Он предложил местным отделам народного образования организовать в школах швейные мастерские: ребята научились шить для себя хорошее бельё и одежду, а на излишки тут же нашлись покупатели. На вырученные деньги покупали хлеб, мясо, масло.

Воспитание строилось на принципах марксистско-ленинской идеологии. Дети участвовали в политических мероприятиях, читали произведения советских писателей, осваивали принципы коммунистической морали. В детских домах проводились кружки, художественная самодеятельность, спортивные мероприятия. Большое внимание уделялось коллективной жизни: празднованиям, чтению книг, совместной работе. «Мы выбрасываем лозунг организации всех детей детдомов в отряды юных пионеров, — отмечалось в докладе ЦК РКСМ на Всероссийском съезде по социально–правовой охране детства. — Мы переварим эту детскую массу, она войдет в русло детского пролетарского движения» [3, с. 14].

Таким образом, в детских домах, коммунах детей сажали за парты, они получали образование, состоялись как граждане; поощрялись их самые смелые мечты — летать в небесах, водить по морям корабли, добиваться в спорте невиданных результатов. И многие из них, вышедшие из самых низов, из беспризорников, стали выдающимися людьми.

В 1925 г. в стране в рамках исполнения закона ВЦИК и Наркомпроса РСФСР «Об организации дела борьбы с детской беспризорностью» началась компания по усыновлению детей, программы патроната и опеки, которые должны были обеспечить детям-сиротам семейное воспитание, не перегружая переполненные детдома. Однако их реализация столкнулась с серьезными проблемами.

Опека регулировалась рядом законодательных актов, принятых в 1920-е годы. В частности, в Кодексе законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 года, Раздел III был полностью посвящен опеке и попечительству [9]. В нем были закреплены основные принципы устройства детей-сирот в семьи.

Органы опеки создавались при местных советах и имели контролирующие функции. Беспризорные дети или сироты передавались на попечение родственников, если таковые имелись, или в приёмные семьи. Семьи, взявшие детей под опеку, обязаны были обеспечить их воспитание, обучение и содержание. Государство оказывало поддержку опекунам в виде пособий, хотя их размер часто был недостаточным.

Органы опеки регулярно проверяли условия жизни детей в приёмных семьях, чтобы предотвратить их эксплуатацию или жестокое обращение. Опекуны отчитывались о состоянии здоровья, образовании и развитии детей.

В программе опеки участвовали общественные организации, такие как комсомол, профсоюзы и женские советы. Эти организации помогали выявлять беспризорников, устраивать их в семьи и контролировать условия их жизни.

Обязанности по опеке или попечительству исполнялись безвозмездно. При наличии имущества, приносящего доход и состоящего в ведении органов опеки и попечительства, таковой мог назначить опекуну или попечителю вознаграждение в размере не свыше десяти процентов извлекаемого из этого имущества дохода.

Кроме того, было проведено массовое патронирование ребят из детдомов в колхозные семьи.

Массовое патронирование из детских домов в колхозные семьи в 1925 году в СССР было частью более широких социально-экономических и политических процессов, направленных на интеграцию детей из детских домов в сельскую жизнь и трудовую деятельность. Эта мера была частью государственной политики, направленной на «перевоспитание» детей, а также на удовлетворение потребностей колхозов в рабочей силе.

1920-е годы в Советском Союзе были временем реформ, как в области экономики, так и в социальной сфере. В сельском хозяйстве активно внедрялся процесс коллективизации, который приводил к созданию колхозов. В это время существовала острая нехватка рабочей силы на селе, а также повсеместно ощущалась проблема социальной изоляции и разобщенности детей, потерявших родителей во время революции и гражданской войны.

В связи с этим в 1925 году власти начали проводить программу патронирования — процесс отправки детей из детских домов на работу в колхозы. Это означало, что детей направляли на постоянное жительство в семьи колхозников, где они помогали в хозяйстве и становились частью коллективного труда. Взамен колхозные семьи должны были обеспечить их питание, жильё и давать минимальное воспитание.

Срочно «разгружались» детдома и приемники. Детей спешно раздавали в крестьянские семьи, кустарям, в колхозы и совхозы. У крестьян и кустарей появился стимул брать детей из детдомов: на каждого взятого ребенка предоставлялся дополнительный земельный надел, который на три года освобождался от уплаты единого налога. Кроме того, крестьяне имели право бесплатно обучать питомца в школе и получали за него единовременное пособие.

Таким образом, государство старалось решить сразу несколько возникших трудностей. С одной стороны, нехватка рабочих рук на селе, т.к. коллективизация и развитие сельского хозяйства требовали дополнительных трудовых ресурсов. С другой стороны, большая проблема беспризорничества, где большое количество детей осталось без родителей или в условиях крайней бедности. Патронирование было одним из путей социализации и адаптации этих детей. А дети из детских домов, а также беспризорники, рассматривались как подходящий

источник рабочей силы, особенно в период, когда многие взрослые сельские жители были задействованы в других сферах.

Власти пытались интегрировать детей, воспитанных в учреждениях, в «нормальную» советскую жизнь, основывая её на трудовой этике, коллективизме и социалистическом воспитании. Патронирование из детских домов считалось способом помочь детям почувствовать себя частью нового советского общества, воспитав в них трудолюбие и преданность коллективу.

Программа патронирования детских домов колхозными семьями проводилась под контролем местных органов власти и образовательных учреждений. Патронирование детей в семьи колхозников проводилось в массовом масштабе, а сам процесс был строго регулируемым, чтобы обеспечить трудовую деятельность детей, но при этом не оставить их без должного воспитания [8, с. 264].

Дети, отправленные в колхозы, становились частью семьи, где им предстояло трудиться. В то же время они должны были получать некоторое образование и воспитание в духе социалистических ценностей. Однако условия жизни этих детей в колхозных семьях были не всегда благоприятными, и часто они сталкивались с тяжелейшими условиями труда и жизни, что вызывало критику со стороны педагогов и правозащитников.

Как было сказано, основная цель программы состояла в том, чтобы дети не только помогали в сельском хозяйстве, но и становились частью «коллективистского» общества, разделяя ценности труда и социалистической идентичности. В то же время они должны были научиться быть трудовыми и морально ответственными гражданами.

Программа массового патронирования вызвала критику со стороны некоторых педагогов и социальных активистов, которые утверждали, что дети из детских домов и трудных семей должны быть защищены от эксплуатации и насилия, а не использоваться как бесплатная рабочая сила в колхозах. В некоторых случаях дети не получали должного образования, жили в тяжёлых условиях и подвергались физической и психологической нагрузке.

К тому же не всегда колхозные семьи могли предоставить детям нормальные условия для жизни, а рабочий труд в сельском хозяйстве часто был тяжёлым и недостаточно оплачиваемым.

Основные проблемы и критика программы патронирования.

Нарушение прав детей: Программа патронирования детей в колхозные семьи иногда приводила к серьёзным нарушениям прав детей. В некоторых случаях они становились не просто трудовыми ресурсами, но и жертвами эксплуатации. Рабочий труд в сельском хозяйстве, особенно в условиях колхозных хозяйств, был тяжёлым и нередко связан с перегрузками, что негативно сказывалось на физическом и психическом состоянии детей.

Низкий уровень образования: Детям, направленным в колхозы, предоставлялось ограниченное образование. В большинстве случаев, это было элементарное обучение, часто без должного внимания к интеллектуальному развитию, что в дальнейшем снижало их возможности для дальнейшего профессионального роста. Колхозы, как правило, не могли обеспечить качественное образование детям, поскольку на первом месте стояли трудовые задачи.

Неравные условия: Хотя дети, отправлявшиеся в колхозы, должны были быть обеспечены жильём, питанием и воспитанием, на практике условия жизни и труда варьировались в зависимости от того, какая именно семья патронировала ребёнка. В некоторых случаях дети оказывались в бедных или незащищённых семьях, где не получали должного ухода или воспитания.

Эмоциональная нагрузка: Для детей, потерявших родителей или оказавшихся в детских домах, переход в колхозные семьи часто был эмоционально травмирующим. Некоторые дети

не адаптировались к новым условиям жизни, испытывали стресс из-за изоляции, трудных условий труда и недостатка внимания со стороны "приёмных" семей. В некоторых случаях происходили случаи жестокого обращения с детьми, что, в свою очередь, привело к дополнительным социальным и психологическим проблемам.

Несмотря на свою цель — улучшение жизни детей и помощь колхозам в трудовой реабилитации, программа патронирования в 1925 году в СССР привела к смешанным результатам.

Положительные аспекты: В ряде случаев дети, действительно, становились частью трудового процесса на селе, где многие из них получали навыки, которые могли быть полезны в будущем. Они также становились частью сельской коллективистской культуры, что соответствовало идеологии того времени.

В то же время программа не решала всех проблем воспитания и интеграции. Массовая отправка детей в колхозные семьи не всегда обеспечивала должный уход и внимание к их потребностям. К тому же, нередки были случаи эксплуатации труда детей, что приводило к травмам и низкому качеству их воспитания.

Долгосрочные последствия

Программа массового патронирования детей в колхозные семьи, как и другие меры социализации и трудовой адаптации в сталинский период, оставила двоякое наследие. С одной стороны, она способствовала укреплению колхозной системы, обеспечивала некоторую трудовую помощь сельскому хозяйству и пыталась интегрировать детей в коллективистское общество. С другой стороны, она выявила многочисленные проблемы в отношении прав детей, условий их жизни и воспитания, так, как только государство переставало платить за детей деньги либо наступал голод, «опекуны» тотчас выбрасывали их на улицу [7, с. 30].

В итоге, хотя в 1920-е годы этот подход рассматривался как временное решение для многих социальных проблем, он не стал долговременной моделью для работы с детьми из трудных семей. Со временем, в 1930-е годы, произошли изменения в политике, ориентированные на улучшение образовательных и социальных условий для детей, однако практики трудового перевоспитания и трудовой эксплуатации подростков продолжались в разных формах в советской системе на протяжении многих лет.

Альтернативой патронированию в семьи стало в эти годы коллективное патронирование в колхозы и совхозы, реже — в рабочие бригады и Красную Армию. Колхозные патронаты получили достаточно широкое распространение, но в своей деятельности повторили все ошибки и недостатки, которые были присущи патронату семейному [8, с. 268].

Таким образом, массовое патронирование детей из детских домов в колхозные семьи было одним из примеров применения труда и социалистических идеалов в области воспитания и перевоспитания детей в Советском Союзе. Это была попытка решить социальные и экономические проблемы того времени, однако, как и многие другие эксперименты того периода, оно столкнулось с трудностями, как в организационном, так и в этическом плане. Будучи инициировано властью и социальными работниками, развитие патронирования фактически приобрело характер массовых политических кампаний. В погоне за цифрами и показателями местные власти зачастую игнорировали соответствующие инструкции и постановления, передавая детей на воспитание в семьи и колхозы в спешке, без соблюдения необходимых условий. Принудительное насаждение патронирования, сопровождавшееся массированной агитационно-пропагандистской кампанией с призывами выполнять свой долг по отношению к детям-сиротам, но не подкрепленное выполнением властью взятых на себя обязательств в деле помощи патронатным семьям, вызывало у населения реакцию отторжения. Таким образом, этот процесс показал, как положительные, так и отрицательные стороны советской социальной

политики, требующей дальнейших изменений и усовершенствований в отношении прав и благосостояния детей.

Таким образом, в первые годы советской власти страна столкнулась с масштабной проблемой детской беспризорности. Это явление стало результатом комплексного воздействия нескольких факторов.

Прежде всего, тяжелейшие последствия Первой мировой и Гражданской войн привели к колоссальным человеческим потерям как среди военных, так и среди мирного населения. Однако военные действия были не единственной причиной - не менее важную роль сыграла катастрофическая социально-экономическая ситуация в стране.

Особое значение имели глубокие демографические изменения, вызванные репрессивной политикой нового государства. К ним относятся:

массовый террор с обеих сторон конфликта ("красный" и "белый");

расстрелы по обвинениям в контрреволюционной деятельности;

причисление к категории «лишенцы»;

практика взятия заложников;

применение принципа круговой поруки;

принудительные депортации и высылки населения.

Все эти факторы в совокупности создали условия для возникновения беспрецедентного по масштабам явления детской беспризорности в 1920-е годы.

Библиографический список:

1. Гладыш С.Д. Дети большой беды. М., 2004
2. Зезина М. Р. Система социальной зашиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000, № 3, С. 60
3. Коммуна в Николо–Угреше. г. Дзержинский Московской области. Документы, статьи, очерки, воспоминания. М., 2012
4. Микиртичан Г. Л. Роль Н. А. Семашко в строительстве советской системы охраны материнства и детства // История медицины. 2014. № 2. С. 38-53.
5. Рябинина Н.В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья): Учебное пособие. Яросл. гос.ун-т. Ярославль, 1999
6. Сидорова Т.Н. Как решалась проблема детской беспризорности в Советском Союзе // «Социальная педагогика 5/2011 С.109-126
7. Смирнова Т.М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России, 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 30
8. Смирнова Т.М. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920–1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012.
9. Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391632 (дата обращения 10.01.2025).

Сведения об авторе:

Наумцева Ангелина Дмитриевна, бакалавр IV курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: re43.al@gmail.com

УДК 34

И. В. Киселев

Международное сотрудничество в сфере образования Советской России в контексте реализации прав обучающихся в период 1925-1936 гг.

Аннотация: *исследуется правовое регулирование образовательных отношений, а также участие Советского государства в международных образовательных инициативах. Автор анализирует, как международные соглашения и инициативы нацеливались на создание единой системы образования, способствующей обмену знаний и культурным контактам.*
Ключевые слова*: право, сотрудничество, образование.*

Kiselev I. V. International Cooperation in the Field of Education of Soviet Russia in the Context of the Implementation of the Rights of Students in the period of 1925-1936.

Abstract: *This article explores the legal regulation of educational relations, as well as the participation of the Soviet state in international educational initiatives. The author analyzes how international agreements and initiatives aimed to create a unified educational system that promotes knowledge exchange and cultural contacts.*
Keywords: *law, cooperation, education.*

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (далее - СССР), принятая Съездом Советов СССР от 31 января 1924 г., не содержала конституционных норм о праве граждан на высшее образование [8]. 11 мая 1925 г. была принята новая Конституция РСФСР. Конституции РСФСР. В ст. 8 данной Конституции закреплялась правовая норма: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, РСФСР ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование». В Конституции РСФСР от 1925 г. содержались аналогичные Конституции РСФСР от 1918 г. формулировки о праве на образование, свободном распространении брошюр, книг, а также других произведений печати (ст. 5), создании и функционировании специализированных органов (ст. 37) [9.]. В процессе реализации конституционного права граждан на образование в высших учебных заведениях продолжалась практика применения условий международного сотрудничества в сфере образования.

Использование педагогической иностранной литературы привело к изменению процесса обучения в высших учебных заведениях СССР. Были заимствованы методы американской модели. Она основывалась на практико-ориентированной деятельности студентов. В обязательном порядке студенты выполняли практические задания в специализированных учреждениях и на предприятиях [4]. В соответствии с Постановлением Наркомтруда от 3 апреля 1925 г. «О порядке применения Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 мая 1923 г. о практикантстве студентов», Инструкцией НКТ СССР от 4 октября 1930 г. № 804 «Об обязанности отработки и условиях труда молодых специалистов», Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» вводилась производственная практика студентов высших учебных заведений, которая имела целью практическое обучение студентов процессам производства. Производственная практика являлась частью учебных программ [10, 11, 12].

В период с 1928 по 1938 гг. советские студенты старших курсов, и недавние выпускники вузов принимали участие в создании высоко технологичных заводов и фабрик в СССР. В этот период СССР были заключены международные договоры с «General Electric» по продаже советской России современного электронного оборудования, которое использовалось в

промышленных и учебных целях. В связи с тем, что в 1929 г. в Нижнем Новгороде при содействии американской компании «Форд» началось строительство автомобильных заводов, в 1934 г. в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского произошло объединение механико-машиностроительного института и химико-технологического института в Горьковский индустриальный институт имени А. А. Жданова. Вскоре после объединения, выпускники Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского и Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева трудились на нижегородских автомобильных заводах.

Во второй половине 20-х гг. XX в. развивалась академическая мобильность преподавателей. За 5 лет были отправлены несколько десятков советских учёных для участия в различных научных мероприятиях. Например, в 1926 г. в США для участия в международном конгрессе по биологии, было направлено 11 советских ученых (Б. Л. Исаченко, С. Г. Навашин, Н. А. Максимов и др.). В 1927 г. в США на международном конгрессе агрономов советская Академия наук отправила 12 учёных (К. К. Гедройц, К. Д. Глинка, Б. Б. Полынов и др.).

В связи с тем, что в соответствии с Резолюцией пленума ЦК ВКП (б) «Об улучшении подготовки новых специалистов» от 12 июля 1928 г. было отмечено, что советская система подготовки специалистов не увязана с промышленностью было принято решение о расширении профессорско-преподавательских кадров за счёт привлечения иностранных специалистов [13]. К 1936 г. в СССР трудилось более 6000 иностранных специалистов. Из них около 500 человек преподавала в советских высших учебных заведениях. Среди выдающихся иностранных преподавателей были Л. Роберт, Т. Кокерилл, Бейн, Х. Уитней, В. Крейт и др. При содействии иностранных учёных в СССР были введены новые инфраструктурные объекты. Например, впервые в мире были организованы лаборатории и кафедры органического катализа. В высших учебных заведениях была открыта соответствующая специальность [1, с. 390]. В Томском университете была основана научная школа химиков-неоргаников. Она разработала метод электролитического сплава цветных металлов, который был применён в Великой Отечественной войне и многое другое [3, с. 8].

В середине 30-х гг. XX века в СССР продолжалась практика отправки советских студентов на учёбу в иностранные университеты. Однако, в процессе реализации конституционного права граждан на образование в высших учебных заведениях советским руководством были введены некоторые ограничения на применение академической мобильности. Циркуляром ОГПУ при СНК СССР от 11 января 1928 г. был определён порядок выезда за границу студентов СССР. Разрешения на учебу в иностранных высших учебных заведениях выдавал Наркомат просвещения, при условии, что кандидат предоставит необходимые сведения о целесообразности такой поездки либо имеются родственники за границей [14]. Вместе с тем, на XVI съезд ВКП(б) 13 июля 1930 г. было принято решение о расширении практики посылки советских специалистов для обучения за рубеж. В соответствии с данным решением большинство советских студентов училось в высших учебных заведениях США (4881 чел.), Испании (1803 чел.), Франции (1271 чел.) и Чехословакии (1292 чел.) [15]. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» студенты, получившие дипломы I степени, пользовались преимущественным правом на включение в число кандидатов для посылки в научные командировки за границу [16]. В период с 1928-1937 гг. высшие учебные заведения в Баку, Донецке, Москве, Ташкенте окончили около 3000 иностранных граждан из стран Ближнего востока (Иран, Турция) и Азии (Вьетнам, Китай, Монголия) [2, с. 34].

В соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 27 марта 1934 г. «О библиотечном деле в Союзе ССР» была увеличена сеть массовых библиотек по сравнению с дореволюционной

Россией. Книжный фонд массовых библиотек возрос с 9 млн. в 1911 г. до 124 млн. экземпляров в 1932 г. Из них 6 млн. иностранной литературы на 144 языках [17]. Иностранные литературные источники использовались для преподавания различных дисциплин в высших учебных заведениях страны. Например, в области химических наук в 1930-х г. Московский, Петербуржский, Казанский, Саратовский и другие университеты обменивались научной литературой с европейскими университетами (Гейдельбергский, Геттингенский). Благодаря публикации переводных трудов иностранных ученых-химиков для советской науки были доступны достижения мировой химии [6, с. 48]. С 1932 г. начал издаваться журнал «Успехи химии», к котором публиковались работы иностранных учёных в области химии [5, с. 199]. Книги Г. Гантта, Ф.У. Тейлора, Г. Форда были рекомендованы в высшие учебные заведения страны как учебные пособия по организации труда [7, с. 341, 352].

Таким образом: увеличивается количество иностранных студентов, обучающихся в советских высших учебных заведениях, расширяется география обучения за рубежом советских студентов (Болгария, Венгрия, Испания, США), расширяется практика обмена профессорско-преподавательскими кадрами, создаются специализированные библиотечные фонды, содержащие иностранную литературу.

Библиографический список:

1. Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. История студенчества Московского университета. Т. II. 1905–1955. М., 2013.
2. Голубев А. Из истории подготовки иностранных специалистов в советских (российских) вузах // Информационно-справочное издание ИНКОРВУЗ-XXI, август 2002. – М., 2002.
3. Земцов А.А. Развитие естественных наук в Томском университете. Томск, 1980.
4. Иванян Э.А. История США. М.: Дрофа, 2004.
5. Осколок К.В. «Научные школы советских университетов ведущие центры вузовской науки и педагогики 1920 – х 1980 – х гг.»// Теория и практика общественного развития. № 21/2014.
6. Тер-Майлен Г., Геслинг И. Новые методы органического химического анализа / пер. С.И. Орловой; под ред. Ю.С. Залькинда. Л., 1931.
7. Шпотов Б. М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М. 2003.
8. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. Принята второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. // СПС «Гарант»;
9. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
10. Постановления Наркомтруда от 3 апреля 1925 г. «О порядке применения Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 мая 1923 г. о практикантстве студентов» // СПС «Консультант Плюс»;
11. Инструкция НКТ СССР от 4 октября 1930 г. № 804 «Об обязанности отработки и условиях труда молодых специалистов» // СПС «Консультант Плюс»;
12. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» // СПС «Консультант Плюс»;
13. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957.
14. Циркуляр ОГПУ при СНК СССР от 11 января 1928 г. // СПС «Консультант Плюс»;
15. Решение XVI съезда ВКП(б) от 13 июля 1930 г. «О расширении практики посылки советских специалистов для обучения за рубеж и о приглашении большого числа иностранных специалистов в СССР» // СПС «Консультант Плюс»;
16. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». // СПС «Консультант Плюс»;

17. Постановление ЦИК СССР от 27 марта 1934 г. «О библиотечном деле в Союзе ССР» // СПС «Консультант Плюс»;
18. Документы архива ВГБИЛ о трофейной литературе (1943-1951 гг.) URL: http://www.libfl.ru/restitution/rudomino/documents.html.
19. League of Nations. Russian tourists in education. Geneve, Septembre 3 rd, L., 1937.

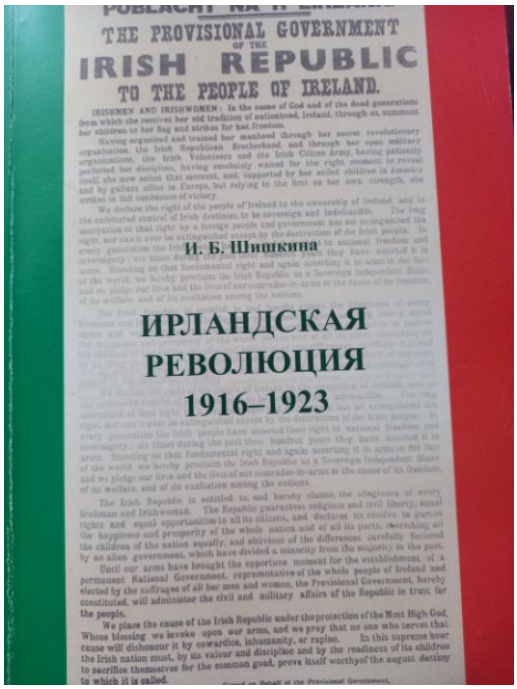
Сведения об авторе:
Киселев Игорь Васильевич, преподаватель - исследователь Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, e-mail: ya.i-007@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 944:323

С. В. Артамошин

Ирландское национальное движение и Великобритания (Размышления над книгой: Шишкина И.Б. Ирландская революция. 1916-1923.: монография. - Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. – 313 с.)



Аннотация: *В статье рассматривается исследование И.Б. Шишкиной, посвященной истории ирландского националистического движения и Ирландской революции 1916-1923 гг. Анализируется авторская концепция причин, характера и развития ирландского националистического движения в первой четверти XX в.*
Ключевые слова*: Великобритания, Ирландия, Ирландская революция, «Пасхальное» восстание 1916 г., ирландский национализм.*

Artamoshin S. V. The Irish National Movement and Great Britain (Reflections on the book: Shishkina I.B. Irish Revolution. 1916-1923.: monograph. - Voronezh: VSU Publishing House, 2022. - 313 p.

Abstract: *The article examines the research of I.B. Shishkina, dedicated to the history of the Irish nationalist movement and the Irish Revolution of 1916-1923. The author's concept of the causes, nature and development of the Irish nationalist movement in the first quarter of the twentieth century is analyzed.*
Keywords: *Great Britain, Ireland, Irish Revolution, Easter Rebellion of 1916, Irish nationalism.*

История национальных движений в Европе разнообразна. Она имеет свои героические страницы, позволяющие нации, добившейся национальной независимости и государства, гордиться своей долгой дорогой к свободе. История XIX века и Великая война стали ландшафтом формирования национальных государств в Европе, которые путем либо национально-освободительных войн, либо посредством решения великих держав-победительниц в Великой войне оформили свою независимость. И тем не менее, каждая страна имела свои особенности. Особняком стоит путь Ирландии к государственной независимости, которые отличается не только напряженностью, но и своей длительностью, учитывая то, что он происходил внутри крупнейшей европейской колониальной империи – Великобритании.

Нельзя сказать, что отечественная историография богата исследованиями, посвященными истории Ирландии, поэтому каждая новая исследовательская работа привлекает внимание. Выход в Воронеже монографии Ирины Борисовны Шишкиной не может остаться без внимания, не только в силу ирландской природы, но и вследствие проблемы, поставленной в центр исследования - ирландская революция 1916-1923 гг. Следует отметить, что исследование представляет собой результат масштабного изучения истории Ирландии в стенах университета в рамках ирландской школы исследователей под руководством доктора исторических наук, профессора А.В. Мирошникова. Фактически работа И.Б, Шишкиной хронологически раскрывает историю XX века.

Исследование ирландской революции 1916-1923 гг. представляет собой важную проблему, позволяющее увидеть скрытые в ней конфликтные узлы британско-ирландских отношений в XX веке., поэтому обращение и изучение данной темы в плане актуальности не вызывает вопросов. Источниковая база исследования репрезентативна и представлена широким корпусом источников. Прежде всего, следует выделить ирландские архивные материалы, в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот, которые украшают исследование детализацией событий и проясняют многие сюжеты истории. Значительным представляется комплекс опубликованных документов и мемуаров. Анализ исследовательской литературы позволяет создать ясное представление об узловых дискуссионных вопросах историографии.

Структура книги включает в себя три главы, в которых системно изучены важные этапы национального ирландского движения. Первая глава раскрывает становление и развитие ирландского движения в конце XIX века и его обострение в начале XX в. Вторая глава посвящена пасхальному восстанию 1916 г., а третья рассматривает конфликты после окончания Великой войны и возникновения Гражданской войны в Ирландии.

Первая глава вводит читателя в круг проблем вокруг ирландского вопроса в Великобритании. Автор стремится основательно и системно рассмотреть весь спектр проблемных и конфликтных аспектов, а также их участников, с тем чтобы добиться не только всестороннего подхода в изучении вопроса, но и путем системного анализа выделить воздействие, как личностного фактора политики, так и нюансировку событий и действий участников. И.Б. Шишкина отмечает наличие ряда факторов и созданных организаций, которые позволили придать ирландскому вопросу новое звучание в начале XX в. Стремление ирландской интеллектуальной элиты к актуализации ирландского и кельтского культурного наследия приводит к формированию Ирландского Литературного возрождения и Кельтского возрождения, что послужило культурной основой для формирования ирландского национализма [1. С. 66-68]. Рассмотрение эволюции движения Шинн Фейн позволило автору сконцентрировать внимание на триаде идей организации, включавшей в себя формирование ирландского самосознание через возрождение ирландского языка, ирландской истории и культуры и в конечном счете, образование единого историко-культурного пространства [1. С. 71]. В целом, отмечается, что

развитие движение к 1915 г. привело к глубокому кризису, приведшему к исчезновению региональных отделений [1. С. 79]. Крыло левого национализма сочетало в себе как националистические, так и социалистические идеи и выдвинувшего единого противника в образе британского империализма [1. С. 83-86]. Ирландская республиканская партия, проводившая курс на достижения независимости Ирландии, с использованием парламентских средств [1. С. 89-92]. Это сближало ее с движением за гомруль, которое приобретает на рубеже XIX - XX в. наибольшую активность [1. С. 93-97]. Также из внимания исследователя не ускользнуло и альтернативное направление – Юнионистское движение, которое подвергнуто основательному анализу [1. С. 104-130]. Напряженность вокруг принятия Акта о гомруле позволило автору убедительно утверждать, что «акт был принят в силу отсутствия какой-либо внятной альтернативы для урегулирования конфликта» [1. С. 131]. Начало Великой войны позволило британскому правительству отложить решение ирландского вопроса до окончательной победы. Отношение к войне ирландцев, достаточно вялое, и юнионистов, более активное, в практической области имело определенные последствия, связанные с получением юнионистами боевого опыта и военной подготовки юнионистских волонтеров, что придавало двум полюсам ирландского вопроса радикальное значение в будущей борьбе.

Вторая глава посвящена знаковому событию ирландской истории – Пасхальному или Дублинскому восстанию 1916 г. И.Б. Шишкина в анализе этих событий стремится к максимально детальному изложения его хода, что позволяет по-новому взглянуть на причины и ход ирландского вооруженного выступления. Автор отмечает, что основной причиной восстания была «сложная ситуация вокруг гомруля» [1. С. 155]. Рассматривая соотношение сил восставших и правительственных подразделений, отмечается, что их было определенно недостаточно для установления контроля, так как британцы могли привлечь почти втрое больше. Однако следует согласиться с мнением исследовательницы, что действия ирландцев не могут быть оценены как авантюристические, а имели под собой серьезные основания, в частности продуманность и планирование действий по захвату Дублина [1. С. 162]. Рассматривая ход вооруженного восстания и его поражение, автор отмечает не только стойкость и решительность действий ирландцев, а также крах надежды на включение в выступление более широкого круга участников, но и профессионализм, и решительность действий британских войск по подавлению выступления. Основной итог Дублинского восстания видится И.Б. Шишкиной в том, что «Пасхальное восстание, начавшиеся 24 апреля 1916 года, стало отправной точкой Ирландской революции» [1. С. 184].

Третья глава посвящена периоды борьбы, завершившемуся в 1923 г. Внимание концентрируется на рассмотрение динамики террористических и политических действий, которые параллельно должны были способствовать достижению единой цели. В конечном счете, констатируется, что политическое решение, к которому пришла Великобритания в виде заключения англо-ирландского соглашения наиболее адекватно соответствовало ситуации момента [1. С. 239]. Создание Свободное Ирландского государства было решением длительной проблемы англо-ирландских взаимоотношений, открывших новую страницу в истории Ирландии, но сохранившем болезненные точки, триггеры ирландского вопроса вплоть до конца XX в.

Монография И.Б. Шишкиной представляет собой глубокое и аргументированное исследование фазы обострения ирландского вопроса в британо-ирландских отношениях, характеризующееся основательностью и детализацией анализа вопросов, что позволяет комплексно охватить механизм решения ирландского вопроса и роль тех или иных акторов в его проведении. Можно однозначно утверждать, что перед нами яркое и оригинальное исследование истории Ирландской революции 1916-1923 гг., заставляющее по-новому взглянуть на устоявшиеся суждения.

Библиографический список

1. Шишкина И.Б. Ирландская революция. 1916-1923.: монография. - Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022.

Сведения об авторах:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.
Начало издания: декабрь 2016 г.
Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».
Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.
Знак информационной продукции 16+
Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Сайт сетевого издания: http://www.clio-brgu.ru поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

• 07 – исторические науки и археология;
• 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. ***Статьи публикуются на некоммерческой основе***.

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201
Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45
Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru